

10000 лет до нашей эры. Книга 1

Автор:

[Катерина Риш](#)

10000 лет до нашей эры. Книга 1

Катерина Риш

История Атлантиды #1

Коснувшись глиняного осколка, найденного на берегу океана, я перенеслась в первобытный мир. Там в ходу человеческие жертвоприношения, а местная фауна так и норовит тобой пообедать. Из-за прихоти древнего мага судьба у меня незавидная: выйти замуж за незнакомца или шагнуть в огонь во имя богов. Мужчинам древности неведома любовь, но значит ли это, что мой избранник никогда не полюбит? Я сделаю все, чтобы выучить язык и традиции, ведь только мне известна судьба, уготованная затерянному в океане острову. Но смогу ли я выжить, когда в самом сердце этого мира зреет заговор и он грозит уничтожить эти земли... Обложка Tomasz Kobiela/Shutterstock

Глава 1. Находка

На парковке у пляжа мой «Швинн» был единственным. Я пристегнула велосипед «крокодилом» и направилась к пустынному берегу. До аварии я могла пройти этот путь вскачь и не глядя на камни под ногами. Теперь пришлось идти медленней.

Когда-то почти все свободное время мы с друзьями проводили на этом полудиком пляже Сан-Мигеля. Никто из нас троих не был ни уроженцем Азорских островов, ни даже португальцем с материка. Мы думали о будущем целого мира и нашем собственном, но куда чаще Питер и Хлоя пытались узнать тайны прошлого. О да, о седой древности они могли говорить часами.

Помню, мы исследовали прибрежные скалы в надежде найти стертые временем, ветром, солнцем и водой древние наскальные рисунки. Для меня это было игрой, для них – нет. Я увлекалась велоночным спортом, и мой «Швинн» не знал спокойствия. Ни один из марафонов на островах не проходил без моего участия. А переводить манускрипты, написанные мертвым языком? Ходить по десятому разу в одни и те же музеи и изучать пыльные кости и чучела? Вы уж как-нибудь без меня.

Добравшись до огражденной черными глыбами бухты, я аккуратно сняла с плеч рюкзак – внутри звякнула купленная перед поездкой бутылка вина. Стояла редкая для тропического острова погода – солнце пряталось за низкими серыми тучами, которые гнал холодный ветер. Депрессивней пейзажа нарочно не придумаешь.

Я долго искала ответ, почему именно меня, под таким же низким небом, как сейчас, когда выпитое вино кружило голову, Питер назвал своей девушкой? Теперь уже я понимала, что это было ошибкой, и с моей, и с его стороны. Мы были разными. Нас роднил только азарт и упрямство. Нам бы оставаться друзьями и не было бы никого лучше нас в этом мире, но мы ошиблись, приняли дружбу за другие искренние чувства.

Отношения быстро превратились в тягомотину, как если бы мы оба, стиснув зубы, из последних сил, покоряли вершину Альпийской гряды. День за днем. Ничтожное время спуска и только упрямый, тяжелый подъем вверх, когда мышцы горят огнем.

Так себе отношения, в общем.

Я выдернула пробку из бутылки, которую попросила открыть прямо в магазине, и налила вино в хрустальный бокал, который тоже привезла с собой.

Из всего сервиза он единственный пережил мою вспышку ярости. С некоторых времен они происходили со мной частенько...

Но впервые это случилось, когда мы втроем ужинали в кафе. Я уплетала еду за обе щеки – выложилась на дневной тренировке и была голодна, как зверь.

А Питер и Хлоя... не ели вообще.

Обложившись учебниками, словарями, тетрадями, они говорили, перебивали друг друга, спорили так живо, словно и не говорили о какой-то неподтвержденной легенде. Ага, даже не о реальном городе, я могла бы это понять. Монументальность Рима поражала и меня.

Они выбрали Атлантиду. То есть никаких тебе возможностей узнать правду, только домыслы, приправленные тысячелетней фантазией других сумасшедших историков. Какой смысл интересоваться такими древнейшими событиями, если ты никогда не узнаешь правды?

Я смотрела на них какое-то время поверх своей пустой тарелки, но никто не замечал моего настойчивого взгляда. Питер говорил, а Хлоя кивала и подчеркивала маркером какие-то важные предложения в книге.

Я не удержалась и зевнула. После еды и хорошей тренировки меня потянуло в сон. Ну, какая уж тут история.

А они как раз замолчали. Мой зевок не остался незамеченным.

«Всем кофе за этим столиком за мой счет», – пошутила я, но шутка не возымела эффекта. Из вежливости они отложили книги в сторону. Повисло молчание. Впервые за долго время они не знали, о чем говорить еще, кроме своей истории, а я не могла придумать темы, не связанной с велоспортом.

Я попрощалась и ушла. Они остались.

Я почти доехала до дома, но, черт меня дернул, и я повернула назад, хотя и накрапывал дождь. Я хотела, наконец, объяснить им, что трактовка фактов и так, и эдак, эти их объяснения необъяснимого, ну это как-то не для меня. Питер с Хлоей не фанаты велоспорта, и я не заговариваю им зубы характеристиками новых велосипедов, к которым приглядываюсь ради смены «Швинна», так ведь?

Смеркалось. Дождь зарядил на полную.

Их могло не быть в том кафе. И лучше бы их там не было, потому что то, что я увидела, когда резко затормозила на парковке, разозлило меня еще сильнее.

Они целовались.

Я простояла достаточно долго на улице и под дождем, пока они отлипли друг от друга и вообще уделили внимание окружающему миру.

Заметив меня через окно, Питер рывком поднялся на ноги, но я так и не слезла с велосипеда, ждала. И как только они бросились к выходу, ударила по педалям. Я гнала так, словно это был финишный участок Тур де Франс и счет шел на миллисекунды.

На освещенных только автомобильными фарами трассах и под дождем гонок не устраивают. И не зря. А когда руки дрожат, а глаза застилают слезы, лучше вызвать такси, чем ехать на велосипеде.

Я потеряла управление и вылетела в кювет. Рама «Швинна» погнулась и треснула в нескольких местах, шины вместо идеальных кругов превратились в скособооченные восьмерки. Я приложилась о дерево, сломала ногу и получила с десяток мелких травм, перечисление которых заняло обе стороны листа А4 в истории болезни. Слава богу, что на мне был шлем.

С тех пор я ни разу не была на этом пляже. Питер и Хлоя, может, и были, но втроем мы больше никогда не приходили. А сегодня вечером я покидаю Азорские острова. Надеюсь, что навсегда.

Я осушила бокал залпом и наполнила его до краев во второй раз.

Питер с Хлоей навещали меня в больнице, но я запретила родителям впускать их, когда пришла в сознание. А потом они оставили попытки достучаться до меня.

Восстанавливалась я долго. Реабилитация затягивалась по причине моей обиды и апатии. Постепенно мне разрешили подниматься с постели, сняли спицы, а я наконец-то смирилась с мыслью, что нам с Питером лучше было оставаться друзьями.

Я стала искать их, хотелось посмеяться вместе над тем, какие у них были лица в кафе, когда они заметили меня, но телефоны не отвечали.

Когда я спросила родителей о них, мама с папой переглянулись.

- Понимаешь, Майя... - начал отец, но замолчал.

Ему понадобилось какое-то время, чтобы собраться с мыслями, а потом он рассказал мне, что Питер сделал Хлое предложение и поскольку родители Хлои на тот момент работали в Америке, они решили отправиться за океан.

Их пребывание в Америке объяснило бы отключенные домашние и сотовые телефоны. Я не понимала, зачем родители просили меня не волноваться, ладно, они знали, что у нас с Питером были отношения, может быть, из-за этого?

Но я видела по их лицам - совсем не поэтому.

Я вспомнила замеченные краем глаза новости. Ничего такого. Просто еще один самолет во время трансатлантического перелета рухнул в океан.

Меня словно опять приложили головой о дерево. Только шлема на этот раз не дали. Просто не было такого шлема.

Еще в больнице я поняла, что пора бежать с этого острова, но все упиралось в мои не долеченные травмы. Мне казалось, что исцеление пойдет быстрее там, на другой земле, но тренер был неумолим. Я никому не нужна во Франции со своими травмами, говорил он, мне лучше сразу вступить в ряды спортсменов полной сил и здоровой, а иначе меня посадят на скамейку запасных и забудут обо мне, пока я буду зализывать раны.

Два дня назад он счел меня готовой и велел готовиться к переезду. Я сказала, что давно готова, и сегодня нашла в себе силы прийти, попрощаться с этим скалистым неприглядным берегом, значившим для меня так много. Просто нельзя было откладывать и дальше.

У моих лучших друзей не было могил и похорон, мне достался только пляж, океан и вино в память о них. Той зимой мне исполнилось двадцать пять, и я давно привыкла к одиночеству, хотя и не смирилась с ним.

Я выпила второй бокал также залпом и швырнула его в скалу – последний хрустальный бокал, который пережил вспышки моего гнева. Осколки брызнули во все стороны. Это не подняло шума и не привлекло ничьего внимания.

Мы ведь заботимся об экологии, некстати вспомнились слова Хлои. Каждый раз, покидая пляж, она следила за тем, чтобы мы не оставляли мусора.

Черт. Я не заботилась об экологии и не состояла в «Гринписе», но Хлоя первая скинула бы мартинсы, чтобы отыскать остатки бокала в пенистом прибое. Стиснув зубы, я разулась и вошла в воду. Набегающие серые волны обожгли холодом; океан пытался стянуть стекляшки раньше, чем их у него отберут.

Что-то кольнуло пятку, и я замерла, но боли не почувствовала, поэтому нагнулась, чтобы рассмотреть дно. Бурлящие волны то и дело скрывали находку, а я смутно сознавала, что дрожу от холода и порывистого ветра. В разноцветной гальке угадывались очертания некоего предмета, размером с половину ладони, может, даже меньше. Насыщенно кирпичного цвета, он резко выделялся на фоне темных и беловатых камешков. Обидно, если это окажется стекляшка или кусок пластика, не все столь же категоричны в вопросах экологии, как Хлоя.

Волны как раз схлынули. Последние струи воды скатывались яркой лавиной разноцветных камешков.

Темно-медовый, как застывший янтарь, осколок терпеливо дожидался своего часа.

И он настал.

Я вытащила из мокрого песка глиняный осколок с полустертыми углублениями – не то штрихами, не то линиями. Не разобрать были ли они буквами или какими-то известными мне символами. Может быть, осколок был древним, а может быть, всего лишь сувенирным новоделом, разбитым нерадивыми туристами. Он был увесистым и достаточно толстым. Представлялась большая амфора, в которой древние люди хранили масло или вино.

Питер захотел бы такой в свою коллекцию, он никогда не возвращался с пляжа с пустыми руками, и, наверное, мне лучше оставить осколок здесь, в его стихии, раз нельзя передать его Питеру. Может, кому-нибудь другому посчастливиться

найти его, и этот кто-то будет гораздо лучше моего осведомлен в археологии и истории, а древность будет ценить также сильно, как и мои друзья.

Я замахнулась, но что-то остановило меня.

Океан, поняла я. Его цвет изменился.

Он больше не был депрессивно-серым, густым и вязким, каким всегда был мягкой, даже по меркам Азорских островов, зимой. Вода окрасилась в безмятежную лазурь, как в знойном июле, когда казалось, что даже волнам лень шевелиться.

Ветер тоже переменялся. В мокрой одежде я больше не мерзла. Теперь прилипшая к телу рубашка даже... освежала?

Я еще раз поглядела на глиняный осколок в своей ладони. Вот он, я только что вытащила его из воды после того, как осушила два бокала вина. Может быть, я пьяна? Как иначе объяснить то, что я вижу?

Я снова подняла глаза. Нет, не может быть этого быть. Невозможно. Иррационально!

Вдоль голубой кромки атлантического океана белела суша, которой еще пять минут назад там не было. Да какие минуты, ее там веками не было!

Я ошарашено поглядела по сторонам – пляж был пуст. Более того, пальмы, набережная, даже нагромождения камней и те исчезли. За моей спиной шумели высокие лиственные деревья. Травы оплетали их и, карабкаясь вверх по могучим стволам, плели плотные заросли, за которыми ничего видно не было.

Эй! А велосипед-то мой где?!

Глава 2. Попытка побега

Белые птицы в чистом небе – идеалистическая картина, верно?

Вот только в следующий же миг эти птицы с гомоном устремились прямо ко мне. Вблизи они оказались настолько раздобревшие, что удивительно, как вообще поднялись в воздух. Они стали снижаться, плюхаясь на светлый песок, и буря в моей душе понемногу успокаивалась. Это же просто чайки!

Правда, они почему-то шипели и били крыльями, как гуси.

Одна дерзкая птица положила конец моей любви к орнитологии. Набросилась в прыжке и, взлетев у самого носа, еще и когтями полоснула по плечу. Если бы я не пригнулась, удар пришелся бы по лицу.

Это стало сигналом для остальных.

То одна, то вторая они взмывали и нападали на меня, пока другие пикировали вкривь и вкось, выставив вперед когтистые лапы. Кое-как уворачиваясь, я подхватила с песка палку.

Габариты недочаек-полугусей позволяли не особенно-то прицеливаться. Сложнее было с тем, что они атаковали одновременно и с разных сторон, и если я сбивала одну, то от когтей другой увернуться уже не получалось.

Они изводили меня. Проверяли. Пугали. Я сломала шею троим и думать забыла о «Гринписе». Двум из дюжины перебила крылья, но, в основном, потери несла я и только я. Мою рубашку превратили в москитную сетку, ну хоть джинсы держались лучше.

Я крутилась на месте, как метатель ядра, выставив перед собой облепленную перьями дубину... Как вдруг споткнулась. Об эти мертвые туши. Упала неудачно – еще и вмазала самой себе по травмированному после аварии колену. Спасительная бита срикошетила и отлетела куда-то в песок, сбив при этом пару чаек, но, черт... Кому нужен этот страйк, если я распласталась на песке, ослепшая и оглохшая от боли?

Птицы победили и знали это. Клянусь, они пришли в неистовство при виде моего поражения. Какие-то неправильные чайки и совсем неправильные гуси...

Я медленно поднялась, припадая на травмированное колено, и оглядела их беснующиеся ряды. Буду отбиваться голыми руками, но не сдамся! С рычанием пошла на них в атаку, а они вдруг загоготали, засуетились и всей толпой поднялись в воздух. Облепили зеленые тропические прибрежные деревья, словно комья снега.

Какой-то миг я просто стояла, разинув рот. А после расправила плечи и огласила пляж победоносным криком.

Позади меня кто-то загоготал.

Я медленно обернулась.

Сначала я приняла этих троих за огромных обезьян. В моих галлюцинациях прослеживалась явная тяга к гигантизму, и после толстых чаек появление двухметровых человекообразных обезьян было логичным. Ну, насколько это вообще может быть логичным.

Но они не были обезьянами. Они были людьми. И именно им я была обязана своим спасением от чаек.

Их тела были черны из-за волос, а лица почти полностью скрывали всклокоченные темные бороды и пышные брови, так что сверкали только белки глаз. Рыжевато-черные волосы на голове стихийно тянулись в разные стороны света. А в руках они держали копья.

Если от чаек я собиралась отбиваться палкой, то использовать ее против двухметровых мужчин с копьями – идея паршивая. Так что я не стала прыгать за утерянной дубиной или подбирать новую, просто развернулась и побежала изо всех чертовых сил по линии прибоя. Все-таки бежать по влажному песку чуть легче, чем по сухому.

Крики запоздали, значит, они не ожидали побега от такой трусихи, как я. Спасибо за чаек, конечно, но, знаете, я не привыкла вести переговоры с теми, у кого из одежды только кожаные набедренные повязки.

Я старалась не глядеть себе под ноги, но взгляд, как на зло, выхватывал то камни, то ракушки, то водоросли и, о боже мой, медуз! Кстати, привычного размера.

Я перелетела через голубоватую лужицу слизи.

И вскрикнула от боли. Колено обожгло огнем. В ушах гудело от ветра и бега и отбойным молотком билось сердце, но я различила крики преследователей и опять побежала.

Медузы стали попадаться чаще. Теперь мое движение нельзя было назвать бегом, это были прыжки через препятствия. Скорость ужасающе замедлилась, но я не могла преодолеть себя и наступать на склизкие щупальца.

Мать вашу, да откуда их так много? У них тут кладбище, что ли? Берег был сплошь покрыт слизью, ни песка, ни гальки – ничего. Только горы медуз, разной степени дохлости. Слизь чавкала и засасывала ступни, как грязь после дождя, а от ударов набегавших волн дрожала, как плохо застывшее желе цвета половой тряпки. А запах... О, его не передать словами.

Впереди темнела наполовину ушедшая в океан скала. Я направилась к ней, а в спину по-прежнему неслись крики. Меня догоняли.

Легкие горели, в боку нещадно кололо, колени рыдали от боли, и только инстинкт выживания гнал меня вперед.

Преследовали снова орали, на этот раз истошно и пронзительно. В этом крике можно было найти предупреждение, если бы я потрудились задуматься над этим, но мне было не до того – я уже самозабвенно карабкалась вверх, хватаясь пальцами за острые, как бритва, камни. А когда гора подо мной вздрогнула, предупреждать было уже поздно.

До чего же высоко я взобралась, мамочки!

Я схватилась за ряд узких камней. Поняла вдруг, что все они одинаковой, почти правильной формы. Гора подо мной дрожала и урчала, пока я старалась удержаться на месте, вцепившись в наросты цвета темного базальта, которые

были твердыми... Ну как камни, вот только камнями-то они как раз и не были.

Из волн океана далеко внизу поднялась гигантская продолговатая морда рептилии, до этого утопленная в воде. Повернулась и уставилась на меня левым желтым глазом.

И от чаек я ушла, и от стражи я ушла...

А вот теперь мне точно конец.

Глава 3. Не будите спящих драконов

Страх не было.

Когда на тебя пялится гигантский ящер, а ты сама сидишь у него на хребте, бояться уже поздно. Страх мог бы остановить меня задолго до того, как я вскарабкалась на его спину, и какой-то внутренний голос честно пытался. На секунду, помню, меня охватило сомнение, стоит ли лезть выше, но потом не своим голосом заорали эти с копьями и в повязках и я, конечно, бодро полезла дальше. А ведь аборигены всего лишь хотели предупредить. Теперь, когда я обнимала руками и ногами чешуйчатый нарост, я отлично это понимала.

Как же высоко, черт возьми! Третий этаж, не иначе.

Хребет прадедушки крокодила Гены ходил подо мной ходуном. Между склизкими чешуйками разлагались волокна водорослей, а я прижималась к нему всем телом, надеясь, удержаться и не рухнуть вниз. Я застряла где-то в районе задних лап, позади меня грохотал хвост, по которому я и взбежала вверх, словно по трапу.

Впереди и сбоку надулся огромный желтый мешок... Живот! Это его живот, подумать только!

По телу словно прокатилась волна, и рептилия вдруг замерла, все еще глядя на меня желтым глазом. Вымер, правда? Ну вот просто взял и вымер, пожалуйста!

Но крокодил только распахнул пасть, и я услышала, как заскрежетали зубы... А после выдохнул.

Зловонный поток отшвырнул меня с хребта. Я кубарем полетела вниз, раздирая об острую чешую те части тела, что у меня уцелели после схватки с чайками. Я летела, кувыркалась, а потом увидела перед собой чужие пальцы, побелевшие от напряжения.

Конечно, это были мои руки и мои пальцы. Я успела схватиться за какой-то выступ, а их там оказалось великое множество. Этот крокодил, как скалолазный маршрут повышенной сложности, похоже, весь состоял из каких-то выступов и наростов. Там-то я и повисла.

Желтые бока снова раздулись, и я стала карабкаться вверх, извиваться, чтобы найти опору для ног. Но крокодил уже потерял ко мне интерес, снова отвернулся, медленно, как в замедленной съемке, и погрузил морду обратно в океан и уже там выдохнул, поднимая столбы брызг.

Я покачалась, как елочная игрушка. Ладони взмокли. Предплечья горели огнем. Пора было слезать, если я не собиралась провести на задней ноге дракона остаток жизни. Меня трясло, как исследователя Арктики в крайней стадии обморожения, пока я спускалась рывками, то надолго затихая, если мне казалось, что тварь шевелится, то вдруг скатываясь вниз слишком быстро, как с горки. Когда левая нога, на которую на тот момент приходился мой вес, вдруг соскользнула с опоры, я едва не сорвалась, но успела уцепиться руками. Поводила носком из стороны в сторону, но опора так и не вернулась, и тогда я перенесла центр тяжести на правую ногу, а поглядев вниз, убедилась – наростов больше не было, я балансировала на последнем. Дальше на крокодилий лапе была только гладкая светлая чешуя.

Нужно было отпустить руки и прыгнуть вниз. Вот только до земли было еще полтора этажа.

«Отпустить руки?!» – завопила какая-то часть меня.

И приземлиться возле задней лапы, на которой один только коготь с меня размером, и надеяться, что зверь не топнет ножкой, пока я буду рядом.

«Но отпустить руки, черт возьми?!» – не унималась моя истеричная составляющая. Да, надо разжать пальцы и прыгнуть.

«Но я не паркурщик и не скалолаз, я велосипедист!»

Была велосипедистом, подумала я. В каком-то другом мире, где не было спящих на пляже динозавров, где меня не пытались сожрать чайки и не приходилось бегать от дикарей с копьями.

– У-уху! – донеслось вдруг с земли.

Я как-то сразу поняла, что это они – мои древние нудисты. Вот они, конечно, стоят все трое, родимые Тарзаны с копьями, среди этой жестокой и чудовищной фауны прям любо-дорого взглянуть на кого-то себе подобного. Даже если это заросшие бородатые мужики в бикини.

Один из Тарзанов, исполосованный белыми шрамами, что делало его загорелую кожу похожей на тигриную шкуру, снова сложил руки и ухнул совой.

Не знаю, что он имел в виду. Может, подбодрить меня хотел? А может, прощался. Мол, рады были познакомиться, но нам пора.

А может, он просто всегда мечтал изобразить сову рядом с гигантским крокодилом, ну вот кто знает, о чем мечтают австралопитеки?

А я меж тем всё висела. Уже даже не из последних сил, сил-то никаких не осталось, я твердо знала, тело рухнет, а руки останутся тут висеть даже после моей смерти. Я вцепилась в крокодила намертво. Что угодно, только не прыгать.

Высоты я боялась ужасно.

Снизу снова ухнули. Я покосилась вниз. Два Тарзана что-то шептали третьему так, словно готовили крокодилу вечеринку-сюрприз, но тот потряс головой, отметая самодеятельность. Его товарищи еще постояли немного со скорбными лицами, ни дать, ни взять праздник отменился из-за внезапных поминок, и стали пятиться.

Дикарь, которого я про себя окрестила Тигром из-за шрамированной кожи, остался.

Я глянула на него, как на свою последнюю надежду, что не совсем было правдой. Своей последней надежной была я сама. Все, что мне нужно было сделать, это разжать пальцы и прыгнуть... Из огня да в полымя.

Первым решились не я и не Тигр. Первым нашу молчаливую игру в гляделки прервал крокодил. Он дернулся. Еще бы, какой уж тут сон, когда пока по тебе какие-то девицы лазают. Это было похоже на рекордные баллы по шкале Рихтера. Еще миг назад я держалась за нарост на его чешуе, а потом он просто взял и исчез. Мои затекшие пальцы вцепились в пустоту. Ну, я и полетела вниз.

Не с высоты третьего этажа, но еще и не с первого. Сердце взметнулось вверх, желудок следом за ним, вообще, во внутренностях произошли смятение и переполох, так что и не знаю, как они после нашли свои положенные от рождения места.

Дохлые медузы сработали как батут – и с тех пор я обожаю медуз! Если бы не они, мое путешествие окончилось бы, так и не успев начаться. Но приземлившись, я тут же подпрыгнула... примерно на ту же высоту, с какой упала, как будто мало мне было полетов.

Я прыгала там вверх и вниз какое-то время, не до конца соображая, что происходит и как остановить это безумие, и далеко не сразу распласталась на земле. Едва живая. Очумевшая от страха.

Мир перед моими глазами дико скакал и двоился.

Тигр снова завопил. И опять не мне. Даже обидно, когда между тобой и рептилией, раз за разом выбирают не тебя.

На зов вернулись товарищи в набедренных повязках, выставили копыя перед собой копыя и для пущей убедительности потрясли ими перед ними крокодилом.

Я все еще лежала в медузах, когда надо мной пронесся хвост и промелькнули светлые чешуйки подхвостья. Меня только чудом не раздавило. А когда хвост

исчез вне поля моего зрения, со мной случилось то же, что и с князем Болконским под небом Аустерлица.

Я познала истину.

Бородатые, заросшие, суровые и считай без одежды...У них тяжелые мохнатые брови над глубоко посаженными темными глазами и нависающие надбровные дуги на выпирающей вперед лобной доле. Колтуны на сожженных солнцем волосах и словно вылитые из меди тела.

Их портреты я неоднократно видела в исторических книгах Питера. Это же, черт возьми, неандертальцы!

Небо, ты серьезно?!

Глава 4. Погребение рыбьего пузыря

Из деревянной клетки, заткнутой зелеными листьями, лохматая девушка вытряхнула раскаленные угли. Иссушенный солнцем и солью плавник занялся сразу же.

Делая вид, что все еще занимается костром, закутанная в шкуру женщина неандертальской наружности покосилась в мою сторону. Янтарные блики костра сверкнули в глубоко посаженных глазах, скрытых за вуалью всклокоченных волос, а широкие губы сжались. Она думала. Оценивала и старалась понять то, что понять ей в принципе было не по силам – кто я такая, как здесь оказалась, почему моя кожа такая белая и что за одежда на мне.

Нам удалось оторваться от крокодила. И не потому, что мы быстро бегали, один крокодилий шаг равнялся дюжине наших шагов. Просто крокодил оказался... крокодилихой.

Мы бежали вдоль моря, мимо стены леса, и я давно уже попрощалась с жизнью. Всему есть предел, и я свой уже исчерпала, когда мы нагнали других женщин и охотников, оставленных на страже. О наших злоключениях им стало известно

загодя, по соответствующим звукам – ничего ужаснее того грохота и дрожи земли, я в своей жизни не припомню.

Они встречали нас стеной огня.

Тигр перелетел через нее. Я, видимо, тоже, иначе как бы я оказалась с той стороны разделенного надвое пляжа? Но сам героический прыжок стерся из моей памяти.

Рептилия остановилась, повела острой мордой из стороны в сторону, словно оценивая, стоят ли несчастные двуногие дополнительных усилий. Решила, что нет, и, крехтя и громяхая, как грузовик на ухабах, развернулась и потопала обратно.

Даже сквозь стену огня в дрожащем воздухе хорошо просматривались фиолетовые яйца, наполовину закопанные в пляжном песке. К ним-то чешуйчатая наседка и направилась по останкам медуз.

Когда стало ясно, что крокодилья угроза миновала, один из моих спасителей, про себя я нарекла его Одуванчиком из-за внушительного тюрбана из волос на голове, выступил вперед и что-то пролаял, точнее и не скажешь. Разумеется, я не поняла ни слова, но он, кажется, и не меня спрашивал. Все пятеро мужчин не сводили с меня глаз. Они сдержанно переговаривались между собой, словно опасались, что какое-то слово ненароком окажется мне знакомым и выдаст их план с головой. Женщины сбились в стайку и испуганно молчали. Тихо потрескивала, догорая, стена огня.

После того, как они закончили тактическое обсуждение, Тигром, откашлялся, совсем как делали это мои современники перед важной речью, и обратился ко мне несколько иначе, насколько мне показалось. Говорил Тигр неуверенно, как говорят на иностранном языке. Очевидно, предполагалось, что я могу знать хотя бы это.

Повисла тишина. Тихо шелестел прибой, вдали шумно укладывалась спать мама-крокодил, а доисторические предки в окружении таких же едва одетых, лохматых, грязных женщин напряженно ждали, что я скажу.

Я расхохоталась в голос. Нервы.

Раньше я впадала в панику, заведя паучка. Стоит ли удивляться, что хищные чайки, ожившие гигантские рептилии, дохлые медузы и живые неандертальцы окончательно подорвали мою психику?

И вот поэтому им удалось беспрепятственно меня связать, потому что я хохотала до слез и мне было совсем не до бегства. Они вязали узлы из плетенных из трав веревок на моих лодыжках и запястьях, а я хохотала. Теперь, в сгущавшейся вечерней мгле, я понимала, что нельзя было позволять пережитому стрессу брать вверх над разумом. Нужно было перебрать все знакомые мне языки, я ведь немало их знала. Сказывалось обучение в школе для иностранцев. Мой арабский был беглым, французский и испанский поверхностными, русский родным, а английский почти как второй родной. Вдруг какое-нибудь слово положило бы начало международным отношениям?

Умом я понимала, что переговоры, скорее всего, все равно зашли бы в тупик. Но, может быть, если бы я снова припустила от них изо всех оставшихся сил прочь, после всего, что произошло с крокодилом, им не захотелось бы опять меня преследовать и они плюнули бы на такую как я, оставив на съедение лесным обитателям этих земель.

Но тогда я была далека от побега. Я рыдала сквозь смех и смеялась сквозь слезы и щупала их шкуры, угрожая им неведомым Гринписом. Я говорила им: всё, пошутили и хватит, доставайте джинсы и кроссовки, снимайте эти блохастые шкуры, пожранные молью, ну и помойтесь, чего уж там. От крокодила несло меньше, чем от них.

Я, впрочем, тоже пахла не цветущим лугом. Руки, живот и ноги – все, чем я касалась склизкой чешуи, – теперь покрывала высохшая смердящая пленка. Так что по части запахов я не только сошла за свою, но и переплюнула, пожалуй, их всех разом. Может быть, поэтому они и посадили меня на вечернем привале в стороне от остальных. Своё-то не пахнет.

Веревку от моих пут отдали Тигру, и мы двинулись на запад, прочь от берега Спящих Драконов, в сторону заходящего солнца, и я испытала несказанное облегчение, что хотя бы стороны света здесь остались неизменными. Лианы на ногах позволяли делать короткие шажочки, убежать бы никак не вышло.

В знакомом мне океане не существовало такой песчаной отмели, словно водорез, прорезавшей водную гладь широкой автомагистралью до горизонта. И она шла не параллельно берегу, наоборот, стрелой уходила вглубь, словно разделяя воду на два огромных бассейна.

Они вели меня вглубь Атлантического океана. И именно эту полосу суши я и увидела, когда отвела глаза от осколка.

Непроходимые леса оставались позади, среди их макушек было не разглядеть ни телеграфных столбов, ни проводов. Тщетно я высматривала корабли или самолеты.

Я плохо помнила дорогу от берега до этого места, назначенного привалом на ночлег. Мысли путались от шока, страха и стресса. Болели разодранные от падения на камни колени и локти, ныло после бега травмированное колено. Одно хорошо – щебенка, как и пляж, остались позади, и весь путь по тропе посреди океана под ногами белел мягкий песок. Но к вечеру голые ступни все равно с непривычки сильно болели. Зачем я только разулась на том берегу...

На горизонте не было видно земли, но вряд ли женщины и охотники двигались наугад. У них были с собой раскаленные угли, вероятно, прихваченные с прошлого привала, и у них, должно быть, имелся запас пищи. Его я, правда, не видела. Если пищи мало, то либо мы близки к конечной цели путешествия, либо они рассчитывали пополнить запасы по дороге, но тогда неизвестно, насколько долгим окажется это путешествие. Может быть, это кочевое племя и они просто идут, куда глаза глядят, а заодно уводят и меня.

Ни у бородатых праотцов, ни у всклокоченных праматерей обуви не было. Их натруженные ступни сильно напоминали ноги хоббитов, но их нельзя было назвать коротышками. Поначалу я не обратила внимания на их рост, но теперь, когда они суетились вокруг меня, занятые вечерними ритуалами, а мне, связанной по рукам и ногам, только и оставалось, что наблюдать, я заметила, что никто из них, даже женщины, не уступали мне в росте. А ведь в новейшей истории мои метр сто восемьдесят пять сантиметров считались для девушки выше средних стандартов.

После того, как костер занялся, и дольше паяться на меня женщина уже не могла, она отошла к остальным. Из заплечных котомок, эдаких витых из лозы

рюкзаков, они доставали пожухлые чахлые букетики и раскладывали их на плоских камнях, выбеленных солнцем и солью. Я насчитала десять женщин.

Все были молоды и примерно одного возраста, но сколько именно им было, я судить не бралась. Ни одна из них не была морщинистой старухой, это точно. Впрочем, они сами, скорей всего, не знали своего точного возраста. Хотя, может, первобытные люди и вели какой-то счет прожитым годам.

Ох, Питер, ведь я оказалась в той эпохе, на изучение которой ты потратил так много времени! Как бы я хотела поменяться с тобой местами, да-да, именно так, я не оговорила. Черт возьми, я никогда не мечтала стать историком. Ты определил бы эпоху и местность мимоходом, по одному только виду застежек на меховых шкурах или способу заточки деревянных копий. Но ты мертв, а я ни черта не смыслю в археологии. Это жестоко, Небо, вынуждать других претворять в жизнь чужую мечту, но ты ведь и не отличаешься благодушием, верно?

Ладно. Вдох-выдох.

Девушки с начесами на головах а ля «Стиль Диско» закончили раскладывать букеты. Они не сводили с меня настороженных глаз. Я бы помахала им, не будь у меня связаны руки. Пришлось ограничиться улыбкой.

Эффект произвело такой, как будто я достала пушку и застрелила одну из них. Чудесное общество.

Я отвела от их искаженных ужасом лиц и сосредоточилась на сухих букетах на камнях. В том, как они разложили их, улавливалась некая логика, но мне не хватало знаний постичь ее. Вероятней всего, отгадка крылась в том, какого цвета были букеты при жизни, до того, как превратились в сухие веники, но сумрак, расстояние и блеклость поникших бутонов не давали никакого представления о цветовой гамме и не объясняли логику кругового расположения по всему периметру лагеря. Какие-то свои неандертальские заморочки... Чувствую, в дальнейшем я не раз и не два ограничусь именно этим объяснением.

Мужчины не появлялись. Небо над нашими головами было чернее черного. Руки и ноги без движения стали затекать. Живот урчал с каждой минутой все громче

и что-что, но скрыть этот звук мне было не по силам.

Самая темнокожая и с шапкой из всклокоченных волос выше, чем у других, оглянулась на меня после того, как мой живот издал очередной голодный вопль. Про себя я прозвала ее Тиной Тёрнер, надо же как-то различать их.

Накормите же меня, вопило мое тело, хотя лично я голода не ощущала вообще. Не знала, что так бывает, но вот. В самом начале привала, после пешего похода, мне очень хотелось пить. Но воды никто не предложил. Теперь же, когда солнце скрылось, а ветер с моря дышал свежестью, жажда немного стихла. Обманчивое чувство, я знаю, но холод бодрит и пугал меня больше голода и жажды. Они ведь тоже люди, эти девушки с начесами, когда-нибудь им тоже понадобятся пища и вода, значит, и мне достанется.

Но что для них является приемлемой пищей, с нарастающей тревогой думала я, и вода какого качества кажется нормальной?

Стоило подумать о воде и во рту пересохло, а язык, высушенной воблой, прилип к нёбу. Подумала о вобле? Новый залп возмущенного желудка. Раньше его голодом не морили.

Тина Тёрнер снова оглянулась на меня. Ну, эти звуки невозможно не понять, женщина! После провала с улыбкой, честно говоря, я боялась проводить новые эксперименты. Если я открою рот или начну энергично работать челюстью, изображая, что пережевываю гипотетический ужин, они поймут меня? Или решат, что я угрожаю им и обещаю сожрать их самих?

Мысль о каннибализме поразила меня в самое сердце, и я тут же затолкала ее поглубже в сознание, черт подери, нет, нет. Должно быть другое объяснение тому, что у них нет с собой запасов пищи, и что я оставалась связанной.

Какая ирония, Небо, зашвырнуть меня в доисторическую эпоху, чтобы я стала для кого-то ужином! С другой стороны, если громоздкая фауна щелкает зубами и размерами превышает новостройки, то охота на себе подобных вполне разумное и простое в исполнении решение. О, проклятье, могла я сегодня за завтраком представить, что к вечеру буду искать объяснение и оправдание каннибализму? Что с людьми делает голод!

Надеюсь, он не делает того же с неандертальцами.

Тут девушки дружно вскочили на ноги, а я чуть не заорала что-то вроде пустите на шаурму кого-то другого, – и при упоминании шаурмы мой пересохший рот вопреки всему снова наполнился слюной, – но в круг света от слабого низкого костра появились мужчины.

Девушки тут же схлынули во тьму и вечерний холод. Они просто сидели у огня, пока в лагере не было мужчин, дошло до меня.

Один из мужчин, – для меня лишь черный силуэт на фоне пламени, – присел у костра и стал ругаться. Иначе и не скажешь. Я не понимала ни слова, но точно узнавала эту интонацию. Неизменную, хорошо знакомую интонацию ворчливого уставшего человека, когда ему все не так и все не то. Да это же Одуванчик, наконец, узнала я его по воздушной прическе на голове.

Одуванчик поворошил горящий плавник, выпуская искры в темное небо, и продолжил ворчать что-то вроде – плохо разожгли, или слишком сильно разожгли, читалось в его низком хриплом ворчании, дров-то мало, чем прикажете топить далеко за полночь, когда этот плавник прогорит, а другого вы, ленивые неандерталки, не натаскали?

Потом он выдохся. Из-за костра глубокие морщины и глазные впадины стали еще глубже, резче, он хмурился и устало глядел на пламя. Тяжелый выдался денек, читалось в его глазах, каждый раз то крокодилы, то какие-то бледные беглянки, нет, чтобы спокойно дойти, хоть бы раз до...

Я шумно выдохнула. Одуванчик смотрел на меня, поверх оранжевых языков пламени. Я смотрела на него и, клянусь, читала его мысль, как раскрытую книгу.

Четверо других мужчин, пока мы переглядывались с Одуванчиком, тоже опустились на землю вокруг костра. Откуда-то появилась завернутая в листья рыба. Одна.

Одуванчик отвернулся от меня, сосредоточившись на рыбе. Рыбина была небольшая, но внушительная. Не какой-нибудь захолустный карпик. Ее чешуя отливала рубинами, пока Тигр – я разглядела белые полосы шрамов на голой спине, – чистил ее остро заточенным камнем. Примитивное орудие труда, как

написали бы авторы скучных учебников по истории.

Вас бы сюда, думала я, даже не зная к кому обращаюсь. Даже какой-нибудь ихтиолог – фанат рыбешек древности – сейчас пищал бы тут от восторга, а не умирал от голода и не гипнотизировал бы эту рыбину в руках неандертальца. Может быть, он собрал очищенную чешую, череп или плавники для передачи музею, может быть, даже знал бы название или род этой рыбы. Я и без того чувствовала себя неважно, но когда представляла, сколько энциклопедических знаний оставались от меня скрытыми, становилось совсем паршиво.

Я спортсменка и могу проехать на велосипеде без рук. Могу приблизиться к мировому рекорду. Знаю преимущества большинства велосипедных марок и их недостатки, а еще почему у того или иного велосипеда определенное количество скоростей. Это и есть мои уникальные знания и способности. И они совершенно мне не пригодятся, если только я не собираюсь изобретать первый велосипед юрского периода.

Мужчины молча следили, как Тигр бережно счищал твердую чешую с рыбьих боков. Я глотала слюни. Девушки сидели поодаль. Значит, в эту эпоху женщины на кухню не допускались. Ну, кое в чем мне все-таки повезло, а?

Когда с рыбой было покончено, Тигр передал тушку Одуванчику. Тот громогласно всосал сырые рыбы глаза и улыбнулся. Настроение у него улучшилось. Затем двумя пальцами выдрал из зубастой рыбьей пасти язык и стал сосредоточенно пережевывать его.

Голод? Кажется, здесь кто-то говорил о голоде? Точно не я.

Одуванчик вернул безглазую и безязыкастую рыбину Тигру. Тот снова взялся за нож, полоснул рыбье пузо и достал потроха.

Тина Тёрнер – похоже, она старшая или главная среди женщин, – подошла к мужчинам. Села, низко склонив голову и вытянув перед собой руки. Тигр положил ей на одну ладонь рыбью печень и икру, на другую желчный пузырь. Тина Тёрнер съела прямо там, не разгибаясь, и икру, и печень, а с желчным пузырем вернулась к другим.

Это что, их порция?!

Низкими голосами женщины затянули песню. Я прищурилась, силясь разглядеть их действия. Одна из них рыла руками песок, Тина Тёрнер по-прежнему держала рыбий пузырь на вытянутой руке, остальные, сидя на земле, с закрытыми глазами, слегка покачивались и бормотали песню про согласные буквы алфавита. Именно такой мне казалась их песня.

- Э-м-м-м.... - тянула первая.

- Пэ-э-э, - бормотала вторая.

- Э-с-с-с, - шипела третья.

По общим впечатлениям, это походило на торжественные похороны рыбьего пузыря. В детстве, в том возрасте, когда мы вдруг заинтересовались природой смерти, мы часто играли похожим образом. Хоронили мертвых букашек или убитых нами же муравьев и обязательно, по всей строгости ритуала, кто-то пел заунывные бессловесные песни, а кто-то плакал, иногда даже по-настоящему, целиком вживаясь в роль плакальщиц.

Тина Тёрнер с пчелиным ульем на голове прокусила пузырь зубами и песня резко оборвалась. В вырытую ямку Тёрнер в оглушительной тишине опустила пузырь и сгребла песок одной ладонью сверху.

- Эс Пэ, - подытожила третья.

Тёрнер уселась рядом с девушками. За время ритуала мужчины не коснулись еды, за ее разделку Тигр принялся только сейчас. Он разрезал рыбу надвое, положив на камень. Отсек голову и снова передал Одуванчику. Отнес сам половину филе Тёрнер, а вместе со второй вернулся к костру и мужчинам.

Ну, замечательно, вы тут всё поделили!

Женщины с превеликой осторожностью разделили филе между собой и стали есть. Мужчины дождались, пока Одуванчик обсосет рыбий череп, и только потом разделили свою порцию на одинаковые доли.

Все у них было продумано, черт возьми. А пленники пусть грызут веревки.

Хм.

Травяные нити разопрели от соприкосновения с кожей и источали ароматы лета... Это напоминало о свободе. Я сделала вид, что чешу голову, а сама попробовала лиану на зуб. Во рту разлился горьковатый и кислый привкус, как у виноградного усика. Веревка была сплетена из множества отдельных травинок. Чтобы не привлекать внимания, пришлось для начала размягчить ее слюной. Травинки пружинили и их было не так-то просто перекусить, особенно не поднимая шума.

Но я справилась. Мои предки явно произошли от хомяков.

Глава 5. И еще одна попытка

После того, как я без труда перегрызла свои ненадежные оковы, я не вскочила тут же и не умчалась в сгустившуюся тьму. Я дождалась, не меняя позы и не вызывая подозрений, пока обитатели лагеря устроятся прямо на земле, подложив под головы скатанные валиком шкуры. После того, как с ужином было покончено, женщинам разрешили подойти к костру. Теперь-то я понимаю, что никому и ни в коем случае под покровом ночи нельзя было оставаться вне круга пламени. Этот мир жесток, непредсказуем и голоден.

Вся наша жизнь это не игра, вся наша жизнь это постоянное утоление того или иного голода – своего или чужого. Мы жертвуем собой ради других или другими ради себя.

Конечно, звезды «Восьмидесятых» выставили часовых. Они дикари, а не дураки. Первыми в дозор встали Тигр и еще один с огромным родимым пятном на животе, по форме напоминавшим апеннинский сапог. Мистер Италия стоял на страже в той стороне песчаной отмели, куда мы двигались, а Тигр – глядел обратно, откуда мы пришли.

Мерно вздыхал океан, и если бы не волнение из-за предстоящего побега, я бы, наверное, себе места не находила от холода. Меня-то к костру никто не пригласил. Я сидела с боку, все равно в круге тусклого света, но тем, кто спал

плечом к плечу, хоть на голой земле, всяко было теплее, чем мне в одиночестве.

Луны на небе не было. Нужно было выждать, пока все крепко заснут, и я глядела на россыпи звезд, которых было великое множество. Свет города никогда не позволял разглядеть столько созвездий и комет сразу. Я представила, какое впечатление, должно быть, этот звездный купол производил на моих спутников, которые с почестями хоронили рыбы пузыри.

Сказывалась зверская усталость. Ныли непривыкшие к ходьбе босиком ступни. Не давали забыть о себе и царапины от птичьих когтей на спине и руках. Хотелось, наконец, снять исполосованную рубаху и перепачканные джинсы и после отлежаться в горячей ванне. В итоге, зачаровано наблюдая за звездами, я и сама чуть не уснула. Может быть, и уснула, потому что как ко мне приблизился Тигр, я не заметила.

Абориген стоял, протягивая мне руку, и на его раскрытой ладони был кусок рыбы. Он или не съел свою порцию, или съел только половину, а остальное предлагал мне. Он с ужина держал этот розоватый кусок рыбы в ладони, сообразила я, ждал, как и я, подходящего момента, чтобы поделиться со мной едой, пока остальные не видят.

Самое ужасное, что при виде скомканного, потерявшего, как говорится, товарный вид, рыбного кусочка, размером со спичечный коробок, который дикарь держал стиснутым в кулаке, в животе заурчало. Тигр улыбнулся краешком губ – едва заметно из-за курчавой бороды, никогда не знавшей барбершопов, – и настойчиво сунул мне под нос ладонь, бери, мол, чего ждешь.

А я сидела не шелохнувшись. Черт, черт, черт! Я ведь перегрызла растительные наручники. Стоит мне протянуть руки за куском рыбы, и все тайное сразу станет явным. Будет ли он так же добр ко мне, когда поймет, что мыслями я уже была за тридевять земель?

Но я была зверски голодна. И хотела свободы.

Тигр отшатнулся назад, когда я рывком поднялась на ноги и воинственно двинулась на него. Когда я заговорила на непонятном ему языке и зловещим шепотом, чтобы не разбудить остальных, лицо вытянулось:

– Сейчас я развернусь и уйду, а ты останешься стоять здесь, на месте и ты не издашь ни звука, понял меня? Ты будешь нем, как рыба. Или я выпотрошу тебя, как ту рыбу.

Я стряхнула остатки растительных волокон со своих лодыжек, которые благополучно развязала после того, как освободила руки.

Тигр стоял, как громом пораженный. Я выхватила рыбу из его рук, буквально проглотила, едва прожевав, и попятилась назад, в сторону берега, куда и закинула меня неожиданная телепортация. Теперь план побега сформировался у меня окончательно – я просто вернусь на тот самый пляж, войду в воду и достану глиняный черепок, который до сих пор оставался при мне, в кармане джинс. Едва заметив приближение людей, я рефлекторно спрятала его. А вдруг он работает и в обратную сторону, верно? Не проверишь, не узнаешь.

Я пятилась, не сводя с Тигра сурового, как мне хотелось верить, взгляда. Сведенные брови и взгляд исподлобья были моим единственным оружием. Пока я смотрела на него, я знала, он не закричит.

Он двинулся в мою сторону. Не разговорами, так кулаками, но он вернет меня обратно.

Тогда я развернулась и побежала. Я успела отдохнуть, я привыкла к камням, и колено пока не беспокоило меня. Я летела, будто окрыленная. Но у него было копье. Оно-то и просвистело мимо, тяжело рассекая воздух. Я достаточно насмотрелась фильмов, в которых несмышленная жертва бежит от преследователя по прямой и искренне верит, что ее не догонят.

Копье вонзилось в самый центр песчаной насыпи, но я, поднимая лавину камней и песка, уже свернула с дороги. Дорога достаточно приподнималась над океаном, и даже в прилив, как сейчас, волны не заливали и не размывали насыпь. Быстро перебирая ногами, боком, я летела вниз, стараясь не дышать. Сизым туманом висела пыль. В нос ударил йодистый запах водорослей, ноги погрязли в вязком месиве нанесенного ила. Я достигла океана.

Я сделала несколько шагов по этому болоту, высоко поднимая ноги, и вдруг с головой ушла под воду.

Глаза и носоглотку обожгло солью, но в черной воде я ровным счетом ничего не видела. С перепугу я глотнула воды, но откашляться не было никакой возможности. Вода была везде. Меня охватила паника.

Худшее, что может случиться на воде.

Я призвала на помощь все свое самообладание, заработала руками и ногами, чтобы плыть наверх, как мне казалось, хотя понятия сторон света для меня сейчас в принципе не существовало.

Но я поднялась на поверхность даже быстрее, чем ожидала. Откашлялась, отфыркиваясь, убрала с глаз мокрые волосы и огляделась.

Я знала, что слабый костер из плавника должен всегда оставаться позади меня. В полнейшей темноте и при отсутствии других источников света лагерь казался отличным ориентиром. Я сразу нашла его.

Но это был не тот костер!

Пламя больше не было тусклой точкой. Пока я занималась ночным дайвингом, огонь охватил весь берег. Глянцевая поверхность океана множила оранжевые блики пламени, и казалось, океан тоже горит.

Я металась на одном месте, соображая, в какую сторону плыть. Естественно, я не видела берега, а чтобы во мгле прорисовались макушки леса, нужно было дожидаться рассвета. Но с первыми лучами света и меня саму будет видно. К тому же дожидаться на одном месте это в принципе не осуществимо – течением к рассвету меня отнесет черти куда. Даже сейчас, работая ногами только для того, чтобы продержаться на поверхности, я чувствовала, что двигаюсь. Но не было совершенно никаких ориентиров, по которым можно было определить, в какую сторону.

Если меня отнесет достаточно далеко, я не найду свой пляж. Коснуться черепка на том самом месте или хотя бы на том самом пляже, казалось мне жизненно важным решением.

А океан горел, горела дорога, на которой, в общем-то, нечему было гореть. Как они там, подумалось мне, и что случилось в лагере? Неужели это Тигр поднял тревогу?

Не важно, все это совершенно не важно. Они шли своей дорогой, а я буду придерживаться старого плана, что держу костер и лагерь, соответственно, за своей спиной. Я видела белую стену насыпи по левую руку от себя, и это означало, что я на правильном пути.

Я поплыла вперед.

Букеты, поняла я, сухие букеты, которые девушки раскладывали по периметру лагеря. Сами по себе они бы не горели так сильно и долго, но может быть, они окунали их в какую-нибудь смолу или нефть и давали потом высохнуть. Я плыла все быстрее, обретая уверенность, чувствуя силу. Я выросла на острове как-никак.

Я позволила себе обернуться, когда почувствовала легкую усталость. Свет огня теперь озарял горизонт. Я не слышала криков или погони, только то, как накатывали волны на песчаную отмель. Мне показалось, что пора.

Я повернула к дороге, на которую мне предстояло забраться. Снова водоросли и болото, и снова килограммы песка, на этот раз не под ногами, а под руками. Я измазалась грязью, надышалась пылью, но я заползла наверх и только потом оглянулась.

Ничего.

Может быть, они уже казнили Тигра за побег пленницы. Может быть, они решили, жги букеты, гуляем, белый демон убрался восвояси, теперь-то хоть дойдем без приключений.

Чувствуя себя мелким зверьком, перебегающим автомобильную трассу, я перебежала через дорогу. Сердце колотилось так, как будто меня и правда ждала встреча с чьим-нибудь бампером.

Обратный путь к океану был точно таким же, только еще больше водорослей и больше грязи, а еще я была готова к превратностям дна и сразу поплыла, смывая с себя налипшие водоросли и грязь. В кромешной темноте слух мой обострился до предела, я вся превратилась в слух и только поэтому услышала... это.

Повторяющиеся всплески.

Волны бились о дорожную насыпь, и это был совершенно другой звук. Я застыла в метрах ста от берега и, покрываясь мурашками, слушала, как что-то двигалось тяжело и медленно – между всплесками волн мне удавалось сосчитать до двух, а то и трех. Другие звуки походили на дождь: спешное, неумелое барахтанье, а не плавание. Их было очень много.

Хотя поверхность притихшего в ночи океана искажала и звуки, и расстояние, я была уверена, что успела вовремя остановиться. Иначе уже была бы в компании подводных чудовищ. О чем я только думала? Это другой мир, здесь нельзя пускаться в расслабленное ночное плавание, если не хочешь стать для кого-то ужином. К этому еще предстояло привыкнуть, научиться оглядываться, красться и прислушиваться.

Крокодилиха, вдруг озарило меня. Это она! И ее голодные дети!

И сразу же следом – лагерь! Лагерь в опасности! Когда они узнают, какие гости к ним пожаловали, будет уже поздно. Но я ничем не могу помочь им, я сделаю только хуже самой себе, если не вернусь на берег и не попытаюсь снова воспользоваться осколком. Хотя с чего такая уверенность, что он действует и в обратную сторону? Не пытаюсь ли я просто убедить себя в чем-то от крайней степени отчаяния?

А никем не замеченные крокодилы вот-вот нападут на спящих людей и некому их предупредить. Слишком быстро чудовище отказалось от нас этим утром, слишком поспешно отступило от огня, даже не попытавшись атаковать, словно решило, что у нее еще будет время отомстить. И оно настало.

А ведь Тигр поделился со мной рыбой, ведь пожалел меня, а как поступлю я?

Я развернулась и, поднимая слишком много шума, устремилась к насыпи. Взлетела на гору, благо опыта уже поднабралась, и побежала вперед так быстро, насколько позволяли тяжелые, набравшие воды джинсы.

Зарево костра потухло. Я не верила своим глазам. Похоже, букеты долго не продержались, но зачем вообще они жгли их? Огонь мог бы помочь сейчас против хищников, как помог тогда на берегу, но теперь-то жечь на пустой дороге было нечего. Утром они наломали дров в прибрежном лесу. А сейчас только тусклый костер из плавника и копья, вот и вся их защита этой темной безлунной ночью.

– Э-э-э-эй! Э-э-э-эй! – крикнула я на бегу в сложенные рупором руки. Бесполезно было кричать о крокодилах, никто не понял бы ни слова.

Я бежала и кричала, поглядывая искоса на плещущийся черный, как смола, океан. Хоть какой-нибудь лучик света скользнул бы по волнам, позволил бы разглядеть шипастые спины. Она ведь огромная, она ведь чудовищно огромная! Я побежала еще быстрее.

И на всей скорости налетела на Тигра. Абориген отшатнулся, и я угодила в объятия Одуванчика.

– Аргх! – зарычала я на него, показывая на воду. – Аргх!

Они столпились вокруг меня, хмурые и озадаченные. Я насчитала всех пятерых, кто же остался с девушками? Почему они покинули лагерь?

И тогда тишину разорвал истошный женский вопль.

Одуванчик, перехватив копье, хрипло пролаял короткие приказы. Они выстроились по обе стороны дороги, а я так и осталась стоять в центре, и, пригибаясь к земле, резво побежали вперед. Недолго думая, я увязалась за Тигром, последним слева.

Он выглядел испуганным, когда мельком обернулся и попытался что-то сказать, но его губы, как у рыбы, только беззвучно открывались и закрывались.

– Прости, что сбежала, – прошептала я, – надеюсь, тебе не сильно влетело за это. И спасибо за рыбу.

Тигр раскрыл было рот, чтобы ответить, но впереди снова завопили и мужчины прибавили ходу.

А потом те, что бежали справа, разом замахнулись копьями. Раздался такой треск, будто кто-то наступил на яичную скорлупу, он раздавался снова и снова, перемежаясь с тихим мышинным писком. Тигр и мистер Италия, что бежал впереди него, тоже бросились к правому берегу. И тогда я увидела полчища крокодилов, которые взбирались вверх по песочной насыпи, срывались вниз и снова карабкались друг по дружке, как тараканы, хотя сами были размером с небольшого аллигатора.

Значит, я не ошиблась. А их мать где-то там, впереди, откуда уже не доносились крики.

Тигр бил пяткой по морде тех, кто только собирался взобраться на дорогу, с хрустом протыкал копьем тех, кто умудрялся проскользнуть мимо. Остальные поступали точно так же, но поток крокодилов не ослабевал, их было много, слишком много. Они проскальзывали между ног, они выбирались из-под убитых и ползли дальше, влекомые одним и только одним инстинктом – голодом.

Мистер Италия заорал не своим голосом, завертевшись на месте. Тигр безостановочно поднимал и опускал копьё, хрустела чешуя, но никак не мог добраться до орущего Мистера Италия. Крокодилы почуяли кровь и устремились к нему. Он захлебывался собственным криком. Живьем они разрывали его на куски.

Тигр выдернул меня из оцепенения, схватил за руку и потащил влево, к самому обрыву. Одуванчик и еще двое ждали только нас. Крокодилия река больше не стремилась вперед, посреди дороги словно образовался водоворот и в его центре был Мистер Италия.

Одуванчик заорал и швырнул копьё. Наконечник пробил грудную клетку мужчины и его безумный крик, наконец, стих. Он упал на колени, а крокодилы с боков стали карабкаться друг другу на спины, лишь бы урвать кусочек жертвы, лишь бы добраться до тела.

Одуванчик толкнул Тигра в плечо, что-то сказал тому, но так и не дождался ответа. За это время Тигр все еще не произнес ни слова.

Неужели это... из-за того, что я приказала ему молчать?

- Г... го... говори, - прошептала я, заикаясь. - Го...говори!

Он изменился в лице, указал рукой в небо и проорал на своем, что-то вроде: «смотрите! Смотрите все!»

Огромные белые птицы, знакомые мне хищные чайки, не остались в стороне во время крокодильева пиршества. Однако их не интересовал погибший человек. Бились крылья, снова хрустели панцири и скреблись когти - чайки пытались подцепить новорожденных рептилий и унести в небо.

- Бежим! - очевидно, выкрикнул Одуванчик, читая мои мысли, и мы, прижимаясь к левому обрыву, устремились вперед, пригибаясь и закрывая головы руками.

Глава 6. Явление

Лагерь был пуст. Чернели разводы сажи на камнях, где когда-то были разложены и горели букеты. Одуванчик коснулся темных полос на песке и поднес палец ко рту. Это была кровь, даже мне было понятно, но он, похоже, знал разницу на вкус между крокодилей и человеческой.

Одуванчик помрачнел. Это было ответом, значит, кровь не принадлежала крокодилу.

Пепел костра в центре разметало по лагерю, а песок вокруг был истоптан десятками лап, разных размеров, а еще...

Я буквально припала к песку. Две параллельные полосы, очень похожие на полозья или следы от деревянных колес, растворялись во тьме. Гигантские лапища матери драконов отпечатались поверх полозьев, значит, девушки

успели сбежать и, возможно, выжили.

Они жгли костры после моего побега. Конечно, я решила, что им нужен свет, чтобы обнаружить беглянку, но что если они просто подавали знак кому-либо еще, кто искал их во тьме? Ведь у их похода была и своя цель, еще до того, как они встретились со мной, верно?

Средство передвижения, каким бы оно ни было, означало, что речь идет о более развитой цивилизации. Не верю, что карета принадлежала таким, как Тигр или Одуванчик. У аборигенов была назначена встреча и товаром... вдох-выдох!... товаром были женщины. Они отдали их, ушли, встретили меня и уж совсем последними здесь появились крокодилы.

За моей спиной Тигр, после того, как к нему вернулся голос, не умолкал ни на секунду и о чем-то вдохновенно спорил с Одуванчиком. Главарь отвечал коротко, односложно и скорей всего отрицательно. Но Тигр не сдавался. По тому, с каким испугом на меня косились два других выживших аборигена, я поняла, что речь, скорей всего, идет обо мне.

Тигр показывал рукой туда, куда умчалась загадочная колесница, а Одуванчик качал головой и оглядывался назад, ожидая, вероятно, что крокодилы вот-вот насытятся Мистером Италия и примутся за нас. Тигр упрямо показывал по маршруту доисторического экспресса, в промежутках между этим зачем-то хватаясь за собственное горло.

Не трудно было догадаться, что он предлагал Одуванчику сдать меня неизвестным на колесах, которые забрали их женщин. То ли потому что я и сама женщина, то ли потому что я явно не принадлежала к аборигенам, а тот народ, изобретший колесо и научившийся впрягать животных, явно разберется, что со мной, такой сложной и неоднозначной, дальше делать.

Мне снова предстояло стать чьей-то пленницей, но это мало тревожило меня. Еще час назад, лишь завидев отпечатки колес, я бы и сама побежала за ним сломя голову. Теперь же я вглядывалась во тьму и понимала, что пробудившаяся мать драконов где-то там и это внушало мне гораздо большие опасения, чем перспектива рабства. Рептилия либо догнала колымагу и отождралась девушками досыта, либо разозлилась из-за неудачи и теперь следит за нами, поджидая удачного мига, чтобы напасть. Неопределенность действовала на мои и без того

взведенные до предела нервы.

Я вглядывалась во мрак и делала это так старательно, что вскоре мне начало казаться, что я и правда различаю очертания шипов, движение хвоста и даже блеск влажных клыков в приоткрытой пасти, застывшей в ожидании жертвы. Такое бывает, если долго вглядываться во тьму. А живое воображение и rado было стараться.

Одуванчик, тем временем, махнул рукой, мол, делай с ней, что хочешь, и Тигр довольно улыбнулся. Вождь прошелся по песку и встал прямо передо мной. Хотя он и понимал, что я совсем не знаю их языка, ему будто казалось, что как-то не по-людски будет не объяснить мне моей участи. Я прониклась к нему уважением.

- Понимаешь, - как бы начал он, глубоко вздохнув...

Но в тот же миг тьма за его спиной ожила.

Разумеется, он обернулся. Любой на его месте обернулся бы. Я видела, как он инстинктивно сжал правую руку, но оружие осталось в теле Мистера Италия.

Будь Одуванчик вооружен, то именно сейчас, когда перед ним зияла распахнутая пасть, он мог бы нанести самый результативный удар, который прославил бы его среди племен, как великого охотника всех времен. Крокодилиха была наиболее уязвима сейчас. Он мог вогнать копьё, целиком, во всю длину рукояти прямо в верхнюю мягкую и рыхлую часть нёба.

Но он стоял перед ней безоружным.

Челюсть крокодила с леденящим лязгом клыков захлопнулась. Наверное, он даже не успел ничего почувствовать. Я надеюсь, что это была легкая смерть.

Тигр и еще двое заорали. Они оттащили меня, хотя я, как замороженная, оставалась на месте, в непосредственной близости от щелкнувшей челюсти, в облаке уже знакомого гнилостного дыхания. Они потащили меня обратно, но остановились, только и успев, что отбежать на пару шагов - нам навстречу уже семенили чешуйчатые голодные отродья.

Тигр отфутболил в океан первого, который добрался до него, а второго проткнул копьем и швырнул следом. Два других аборигена направили копья во тьму, в которой скрылась и затихла мать драконов. Как будто мы могли противостоять ее размерам и скорости...

У нас не было никаких шансов. Мы стояли между молотом и наковальней, и это был только вопрос времени, когда мама и ее потомство снова воссоединятся.

Я, как могла, помогала Тигру отбиваться. Так мы и стояли, не готовые сдаваться без боя, когда в небе, затмевая звездную крупу, совершенно беззвучно раскрылся огненный цветок фейерверка.

Вспышка света разбавила ночь до сумерек, и я воочию увидела перед собой десятки шипастых спин, которые извивались, ворочались и ползли. Я поглядела через плечо в тот краткий миг, когда пламенный цветок в небе стал опадать и гаснуть, но мне хватило и гаснущих искр, чтобы понять – крокодилиха не утолила голода. Она держала окровавленную пасть раскрытой, готовая...

Тигр неожиданно сбил меня с ног. Тьма в стократ усилилась, и я будто ослепла. Я натыкалась руками на шипы и чешую, и чувствовала, как дрожит подо мной земля. Людей рядом не было. Земля тряслась, и до меня стало доходить, что, как только погас свет, мать драконов атаковала, а Тигр попросту отшвырнул меня с ее пути...

В небесах снова полыхнуло. Сверкнули клыки в сантиметре от моего лица, но короткие, небольшие, я увернулась, откатившись в сторону. Заверещали объятые пламенем рептилии и пахло горелой плотью. Они стали прыгать в воду и удушливый запах гари только усилился. Безумным звездопадом с неба сыпались раскаленные белые искры, которые жалили будто рассерженные осы. Только мокрая одежда и влажные волосы спасли меня от худших ожогов на свете.

Я слышала решительные, воинственные крики, но вертелась на месте в огненном ливне, не в силах определить, куда бежать и где искать людей.

Они сами нашли меня.

Гореть на песке было нечему, но, тем не менее, от нарастающего жара и дыма слезились глаза. А вот мужчина в чем-то красном и без рукавов словно бы не замечал ревущего пламени. Он шагнул ко мне и потянул за собой, уводя из пекла. Полы его длинного халата развевались следом, и я сама путалась в них, потому что старалась идти ближе к нему, но одежда, ровно как и пламя, не доставляли ему никакого дискомфорта.

Я зачарованно глядела на его рыжеватые в отблесках огня волосы, разметавшиеся по спине, и только и могла что думать о том, почему они еще не вспыхнули, как факел.

Песок под моими ногами больше не горел, и тогда мужчина остановился. Обернулся. У него было неправдоподобно узкое, вытянутое лицо с острым подбородком. Прямые и, действительно, рыжие волосы визуальнo еще более удлинляли его лицо. Похвастаться богатой шевелюрой, в отличие от ранее встреченных мною неандертальцев, мужчина в красном не мог – локоны его были тонкими, жидкими и облепляли голову, будто мокрые. Хотя таковыми не были.

Кстати, он тоже заинтересовался моими волосами. Он провел рукой по моим спутанным, влажным волосам и лицо его еще немного вытянулось от удивления, словно бы светлая копна на моей голове была для него невероятной неожиданностью. А впрочем, иди, знай, как они относятся к блондинкам в этом мире, верно?

В поясе его красный халат сильно и несколько раз был перетянут кожаным ремнем. Складывалось впечатление, что рукава были именно оторваны, а не отрезаны. Из ткани по шву торчали нитки.

Он посмотрел мне в глаза и улыбнулся. Губы у него были тонкими, как и он сам. Улыбка преобразила его суровое некрасивое лицо. Морщинки в уголках глаз прибавили мягкости. Я улыбнулась в ответ, на этот раз уверенная, что моя дружелюбность не отпугнет собеседника так же, как девушек в лагере.

Он не отпрыгнул и не переменялся в лице. Он заговорил со мной тихим голосом исповедующего священника, а цепкий взглядом холодных голубых глаз внимательно следил за любой моей реакцией.

Аборигены, наверняка, уже рассказали ему о том, что я не понимала их речи. И он проверял меня, ожидая, что сейчас я ненароком выдам себя и обнаружу познания их языка.

Как бы не так.

Я опасалась делать каких-либо движений в ответ, например, я могла бы покачать головой или пожать плечами, но я не знала, что он говорил мне, и любое движение могло быть принято за ответ. Я просто смотрела с отсутствующим видом на него, на две нитки бус из разноцветных мелких, как горох, камней на шее, на грубоватую, словно мешковина, ткань халата.

Он остался доволен моей реакцией.

Но затем поглядел поверх моей головы и удивленно вскинул брови. Я проследила за его взглядом и нашла на сереющем рассветном небе белую точку. Она стремительно приближалась.

Пламя еще не потухло, оранжевые искры отражались в волнах океана по обе стороны от дороги. Я оглянулась назад, белеющее полотно дороги вело прямо до горизонта. Очень далеко виднелись люди и та самая колесница. Я надеялась, что смогу подойти ближе и разглядеть все собственными глазами. Само собой, ни Тигра, ни других моих безымянных защитников я не могла бы различить с такого расстояния, но мне хотелось верить, что они тоже спаслись и они там, с остальными.

Я не понимала, чего мы ждем. Мужчина в подпоясанном халате-безрукавке, сузив глаза, наблюдал за полетом крупной белой птицы. Я же была сыта по горло здешней фауной и, когда уже можно было разглядеть невероятно крупную птицу, с огромным клювом и когтистыми лапами, я дернулась.

Мужчина разгадал мое желание. Он схватил меня за руку, явно забавляясь моим страхом, а второй рукой указал в небо на птицу и проговорил медленно, четко разделяя слоги ради меня:

– Jainkoan ondoran, – звучало оно примерно так.

Он снова поглядел на меня, повторил слова, как делают это учителя иностранных языков, и указал на птицу.

Потом ткнул пальцем мне в грудь и сказал:

- V'ai e mastea. V'ai. Oi, - он показал на себя, потом снова на меня: - V'ai.

Это были «ты» и «я». Может быть, конечно, «мужчина» и «женщина», поэтому, положив себе руку на грудь, я уточнила:

- Oi?

Мой учитель просветлел.

- Bai, - кивнул он, что, вероятно, означало «да».

- Oi matea? - переспросила я.

- Ez, ez, - покачал он головой, что означало, видимо, «нет». - V'ai e ma-s-tea, - повторил он четче.

- Mastea, - выдохнула я, стараясь говорить в точности, как он.

- Bai! - просиял он.

Ну, начало положено! Не все так сложно. Теперь я знаю, как на «ихнем» будет «женщина», «да» и «нет».

А гигантский орел облетал над нашими головами пожарище. Но всадника на спине белой птицы я заметила только, когда он приземлился недалеко от нас, и мужчина спрыгнул наземь.

Так я встретила первого из потомков Бога на этой земле. Позже, я с удивлением узнаю, что «мастеа» означает вовсе не «женщина».

Глава 7. Выживший

Выжил только Тигр.

Я до сих пор считаю, что остальные погибли по моей вине. Не встретить они меня, им не пришлось бы будить оголодавшую на кладке яиц крокодилиху. Не пришлось бы носиться за мной и к ночи они, возможно, преодолели бы гораздо большее расстояние. Без меня они провели бы ночь в безопасности и, встретившись с вооруженным конвоем, все пятеро вернулись бы в свои неандертальские пещеры.

Но выжил только Тигр. Мне не позволили даже подойти к нему. Рыжеволосый мужчина, разгадав мой порыв, удержал меня рядом с собой, указав через плечо на закутанного в черный плащ всадника. Мне следовало подчиниться. Он единственный, кто пожелал обучить меня языку и вообще подумал о такой возможности. Более развитая цивилизация, в этом все дело.

Тигр принадлежал к низшему классу. Он сдержанно кивнул мне, как бы говоря, что я приняла правильное решение, не кинувшись к нему. Я кивнула в ответ.

Поодаль от Тигра, обступив чье-то мертвое тело, рыдали девушки. Двое мужчин занимались колесом перекошенной повозки, когда подошли мы с рыжиком и черным всадником. При виде всадника мужчины бросили повозку и вытянулись по стойке «смирно», что уже говорило о многом. Рыдания, наоборот, не стихли, при виде него только усилились. Тигр стиснул зубы, глаза его недобро оглядели всадника, но он ничего не сказал.

Белая птица очень походила на орла, но мне, разумеется, еще не доводилось видеть таких огромных экземпляров. Птица с деловым видом прохаживалась поодаль меж мертвых детенышей крокодила, и, если отрешиться от того, что в ней было около двух метров в холке, ну, с виду обычная курица бродит по двору в поисках червяков. Когтистой лапой она придерживала тушки и умело разделявала их клювом, похожим на крюк. Вдали дороги, тонувшей в предрассветном тумане и сизом дымом догоравших костров, пиروвали те самые хищные чайки. Они старались держаться подалеже от орла и не претендовали на его добычу.

Всадник был с ног до головы укутан в плотную черную ткань, виднелись разве что плетеные кожаные сандалии на ногах, и если он не успевал отдернуть свой плащ, то и драгоценные камни на шее. Он вошел в лагерь стремительным шагом хозяина, не удостоив никого из аборигенов даже взгляда, и потребовал у вытянувшихся по струнке солдат отчета. Он почему-то не стал требовать такового у мужчины в красном халате без рукавов, который терпеливо сцепив руки, стоял рядом со мной.

Солдаты, запинаясь и перебивая друг друга, очевидно, поведали ему о ночном происшествии. Мол, прибыли ночью, так и так, забрали вот этих, а потом как началось, как завертелось...

Я однозначно воспринимала этих двух мужчин в качестве солдат, хотя, конечно, могла и ошибаться. Но их выправка и вооружение, как мне казалось, однозначно говорили в пользу именно такого вывода. У них, к моему удивлению, на поясе были ножны, а в них могли быть или просто длинные кинжалы или же короткие мечи. Я десятки раз видела рыцарские облачения, но музейных экскурсий, конечно, было недостаточно, чтобы стать экспертом в вооружении. На них, само собой, не было рыцарских лат, только плетеная кожаная броня, перехваченная ремнем на талии. Что-то вроде шорт, не доходивших до колен с соответствующей кожаной защитой важных для мужчины мест. На ногах сандалии с обмотанными вокруг ног ремешками, чем-то напоминали римскую обувь, какую я видела в фильмах. Они не выглядели эффектно, их облачение было простым и непопезным, вероятно, они принадлежали к низшим званиям, годным разве что для того, чтобы сопроводить толпу неандертальских женщин до точки назначения.

И даже с таким простым заданием они не справились. Не сложно было понять по тому, как хмурился и ярился всадник, что задание было провалено. Простейшая деревянная повозка лежала на боку с отвалившимся колесом. Других верховых животных, кроме орла, видно не было. Укрыться в случае нападения крокодилов на голой дороге было негде, значит, животное или унеслось в паническом бегстве, или его сожрали, так или иначе, солдаты его не уберегли.

Они понуро выслушивали нотации всадника, а когда он выговорился, то по его же приказу вернулись к колесу и повозке. А всадник широкими шагами направился к нам. Плащ бился за его спиной.

Его взгляд поразил меня до глубины души, хотя мне казалось, что уже ничто не способно удивить меня в этом непредсказуемом мире.

Он изучал меня с примесью отвращения и собственным превосходством во взгляде, словно это было ниже его достоинства вообще замечать таких, как я. Его губы скривились при виде моей разорванной, перепачканной рубашки, а джинсы привели в негодование. Похоже, штаны в этом мире, как и в нашем средневековье, считались неотъемлемой мужской прерогативой.

Глядя на меня, он обратился к моему учителю. Он говорил на том же языке, то же звучания слов, только немного беглый и не такой старательный говор. Мне даже подумалось, что он намерено немного коверкал произношение, чтобы я не смогла понять его речи.

Я внимательно следила за тем, как отвечал и вел себя с ним мой учитель. В нем не было того повиновения, как у солдат, но он тоже склонил голову и не поднимал глаз, разговаривая с всадником. Он отвечал тихо и коротко, но голос все же не звучал испуганно и он не оправдывался, не частил, не сбивался. Он спокойно и размеренно рассказал всаднику обо мне, и я уловила только одно-единственное слово: «mastea». Он словно произнес его ради меня, чтобы продемонстрировать, какой эффект произведет это на всадника.

Тот разъярился. Будь у него кнут или что-то подобное, он, пожалуй, захлестал бы рыжеволосого до смерти. Он сжал кулаки, явно сдерживаясь, и процедил сквозь зубы:

- Craasta.

И одной рукой сорвал с меня остатки рубашки. Я вздрогнула от неожиданности. Ткань полетела в песок. Глупо было ожидать защиты от рыжеволосого, который даже в глаза-то ему не смотрел. Я глянулась на Тигра, тот пылал праведным гневом, но что с того? Солдаты только делали вид, что заняты ремонтом, но вмешаться никак не могли.

Я вскинула глаза и посмотрела на всадника. Невероятно красивое лицо, надо отдать ему должное. Правильные и крупные черты лица, ровный нос, очерченные губы скрыты светлой ухоженной бородой, несравнимой с всклокоченными мочалками Одуванчика или Тигра. Подстриженные пшеничные

усы.

Зевс, да и только, но толку-то с красоты с таким характером?

И только тогда до меня дошло, что хоть и смотрю прямо ему в глаза, но я все равно запрокидываю голову, а это означало... Что в нем точно больше двух метров росту. Бесформенный плащ, конечно, скрывал его тело, но, напяль он себя мешок, и тот не скрыл бы широкие плечи, грудь колесом.

Точно Зевс.

Зевс метал молнии, пока только взглядом. Я понимала, что он не привык, чтобы женщины смотрели на него гордо вскинув голову. Такое неповиновение не пройдет даром, читалось в его глазах, но, черт возьми, он оставил меня без одежды, такое не прощается. Джинсы тоже разорвешь, псих ненормальный?

Он снова заговорил с рыжеволосым, хотя и продолжал глядеть на меня. Тот кивнул, осенил всадника какими-то движениями тонких, как спички, рук, и мужчина в плаще направился к обожравшемуся орлу.

Когда он ушел, рыжеволосый пару раз глубоко вздохнул и выдохнул, словно бы с облегчением и пробормотал что-то, что можно было расценить, как: «А теперь займемся делом».

Он направился к рыдающим девушкам и те сразу пропустили его к телу одной из них. Я с облегчением заметила Тину Тёрнер среди выживших.

Он велел им отойти на приличное расстояние, подозвал Тигра и сказал ему несколько слов на знакомом Тигру языке. Тигр кивнул и отошел в сторону.

Полы его красного халата вдруг затрепетали, хотя ветра не было. Он вскинул обнаженные руки, словно делал разминку перед зарядкой, потом поводил пальцами в воздухе над мертвой девушкой.

И ее тело вспыхнуло.

Вот откуда взялся огонь прошлой ночью. Это он вызвал его. А у Тигра он, видимо, просил разрешение, чтобы сжечь тело.

Девушки запели странную песню, отчасти похожую на ту, про согласные буквы алфавита во время похорон рыбьего пузыря. Я почувствовала на себе взгляд – это Тигр смотрел на меня поверх пламени. Я не могла однозначно объяснить этот взгляд, но в нем не было осуждения или ненависти, слава богу. Мне с лихвой хватало собственного чувства вины. Его кожа была в саже и крови, руки расцарапаны, значит, к тем белым полосам старых шрамов прибавятся новые. Солдаты ненадолго притихли, отдавая дань ритуалу, а потом снова вернулись к работе.

Тело догорело быстро. Ветер с рассветом усилился и скоро разметал пепел и остатки костей по белому песку дороги.

Ни с кем не прощаясь, Тигр развернулся и побрел к берегу, мимо развороченных клювом орла крокодилов. Хищные птицы не обращали на него внимания, у них хватало пищи. Он выполнил задание и уходил один.

Я глядела ему в след. Он не обернулся.

К полудню издали слышался стук копыт. Еще один солдат, очевидно, посланный всадником, привел нам нового вола. У него были широкие, сужающиеся рога, и он гневно скреп копытом песок, пока его впрягали в починенную повозку.

Я поднялась на нее вместе с девушками, рыжеволосый маг занял свое место во главе, один солдат правил волом, два других шли позади.

Пейзаж был до однообразия уныл. Только синева океана, куда ни глянь. Я держалась, но потом сползла вниз, обхватила колени руками и заснула.

Глава 8. Рыбный день

Проснулась я от того, что повозка остановилась. Все тело ныло от неудобной позы. Боже, я мечтала о том, чтобы проснувшись, узнать, что все произошедшее было сном и только. Зря надеялась.

И Тина Тёрнер, и красный маг, и даже фыркающий вол, впряженный в повозку, никуда не делись. Дикарки уже спустились на землю, в кузове оставалась я одна. Покрутив шеей и плечами и зевнув, я тоже стала слезать, но маг остановил меня.

– Ez, – сказал он.

То есть «нет», идти с ними мне нельзя. Я кивнула, а солдаты, тем временем, окружив девушек, повели их вперед.

Солнце, скатившись ниже, ластилось к океану, значит, я проспала, по меньшей мере, около шести часов, а может, и больше, ведь вола нам привели, когда солнце было в зените. Значит, скоро ночь, а у меня сна ни в одном глазу. Ну, блин.

Местность кругом изменилась. Единственная полоса межатлантической трассы привела нас к скалистому острову. На черных узких пиках почти не было растительности, хотя кое-где на возвышенных плато виднелись похожие на поля скудные зеленые пятна. Как только солдаты с девушками немного отделились, маг велел кучеру править следом. Впряженный бычара захрапел от натуги, хотя повозка опустела и стала значительно легче, чем была еще час назад, солдат посек его и прикрикнул и повозка дернулась с места. Я полетела вперед, не успев ни за что схватиться, и затормозила, только схватившись за спину мага, сидевшего на козлах.

Он с улыбкой сказал что-то вроде: «Осторожнее», а потом указал рукой вдаль и несколько раз повторил одно и то же слово. Я не поняла. Маг коснулся пальцами своих глаз и рукой обвел местность.

Я поняла, что он говорит мне:

– Смотри. Смотри!

Я послушно стала глядеть по сторонам, пока солнце не исчезло с небосвода и было видно хоть что-то, но скалы казались пустыми и безжизненными. Песок под колесами почернел, то и дело попадались крупные камни, мир стремительно терял синие и белые краски, обретая монохромность. Только черные вулканические горы, и некоторые из них словно оплавилась от драконьего дыхания, да так и застыли.

Дорога петляла, и девушек, ушедших вперед, мы слышали, но не видели. Они каждый раз обгоняли нас на целый поворот, хотя и шли пешком. Мы поднимались по серпантину все выше, и вол с каждым шагом выражал свое недовольство все громче, повозка скрипела все сильнее и натужнее. Дорога сужалась, а пропасть становилась все круче. От нее перехватывало дыхание. Казалось, сильный ветер способен и вовсе подхватить повозку вместе с быком, словно пушинку, и унести в океан.

С высоты я могла теперь разглядеть прямую, словно стрелу, дорогу посреди золотистого из-за заходящего солнца океана. Темно-зеленые леса на горизонте походили на заснувшие облака.

Внизу многие скалы были затоплены, и даже невысокие волны то тут, то там разбивались о них сотней брызг, а эхо множило и разносило это незатихающей ни на миг пушечной канонадой. Представляю, как жутко здесь во время шторма.

Тропа вильнула в последний раз, и вот показались девушки и их конвой, застывшие перед огромным входом в черную пещеру.

Вот и драконье логово, подумалось мне.

Но из пещеры нам навстречу высыпали люди. Самые рослые из них едва достигали дикаркам до плеч, но в то же время их руки, шея и ноги были шире, крепче. Они с радостью приветствовали девушек.

Еще издали я уловила аппетитные запахи, и голод снова дал о себе знать. Господи, хотя бы здесь меня накормят?

Вол, казалось, собрал все силы и потрусил быстрее. Возможно, эти земли и были его домом. Ведь откуда-то же нам его привели и достаточно быстро.

Когда мы подъехали и остановились, то дикарок было не узнать. На шеях каждой из них было по меньшей мере с десятков ожерельев из ракушек, и низкорослое племя продолжало в танце выносить из пещеры все новые произведения искусства. Тина Тёрнер нагнулась, чтобы ей на шею повесили очередную связку бус. Никто из девушек не улыбался, не танцевал и не разделял всеобщей радости. Они стояли покорно и молча.

Мне тоже попытались надеть бусы. Но маг пресек эту попытку, и молодой парень с пышными усами словно бы ойкнул, кивнул и подскочил со своим даром к Тине. Не сказать что бы мне не хотелось таких же украшений... Но магу видней. Я обещала себе, что буду во всем его слушаться. Мое непослушание уже принесло бед, хватит.

С танцами и песнями горные люди приветствовали и мага. Гордый хозяин подошел к волу и чмокнул его макушку между рог, молодец, мол, справился. Бык не разделил нежности и с мычанием замахал головой, чем насмешил почти всех усатых коротышек.

Вперед вышел дородный, крепкий, с пузом навывкате под пышной черной бородой и зычно поздоровался с магом. Рядом с ним красный маг выглядел на редкость тщедушно со своим узким бледным лицом и тонкими руками. Одна только рука румяного горного Вождя была равно в обхвате талии мага, но он все равно был ниже ростом, хотя и выше остальных соплеменников.

Вождь громыхнул приветствие, и танцы с плясками потекли обратно в пещеру, освещенную косыми лучами закатного солнца.

* * *

На ужин была рыба. Не то чтобы я не любила рыбу, я до того оголодала, что, помнится, и сырую проглотила с удовольствием, но на ужин была только рыба. Какая угодно рыба. В каком хочешь способе приготовления, но только рыба.

Жареные на рыбьем жире куски филе и приготовленные целиком мелкие рыбешки, размером с мизинец. Несколько вариантов ухи – только из голов для Вождя, только из хвостов и спинок для приближенных, из потрохов для детей за отдельным столом. Просто отварные куски, размером с акулу. Сырые розоватые, обвитые водорослями – почти что суши, только без риса и соевого соуса.

Штабеля высушенных до каменной твердости плоских, словно раздавленных слоном, рыб. Всевозможные рыбные копчения, но от них несло так, словно бы это были куски горелого пластика. Чернейшая-чернейшая, даже не знаю, как они довели ее до такого состояния, словно эта рыба побывала в эпицентре извержения вулкана до того, как попала на стол. Горы рыбьих глаз в глубокой миске, предназначенных только для Вождя. Молоки, икра, даже рыбы щечки и рыбы мозги и тоже во всех ипостасях – копченые, вареные и жареные.

Запах стоял такой, что не передать. Ели руками. Отмыться потом не представлялось возможным, мы провели там два дня, и после, клянусь, я не могла смотреть на рыбу еще очень и очень долго.

Лишь однажды в последний праздничный вечер, накануне отбытия утром, к столу вынесли плоские, сухие и тверды лепешки из какого-то зерна грубого помола. Каждому предназначалось по одной и только Вождю две. Они были совершенно безвкусными, но с каким удовольствием я сгрызла ее всю, не оставив ни крошки!

Оно и понятно, их соленый каменный остров не обладал иными богатствами, кроме как рыбьими. В сезон они охотились на птиц, которые вили гнезда на скалах. В обычные дни ели скромнее – моллюски, кальмары, мидии, креветки и всевозможные водоросли, даже соскобленные с прибрежных скал в пору голода. Мисками на столах служили раковины самых разнообразных размеров. Кубки были каменными – в центре черного базальта подходящей формы выдалбливалась середина. Пили они что-то невероятное, настоящее и перебродившее, тоже изготовленное из каких-то даров океана и водорослей. Меня едва не вывернуло от одного лишь запаха. Благо была чистая вода из тонкого горного ручья, и в тот первый вечер, сидя за столом – всего лишь прямоугольным куском породы, украшенным витиеватыми узорами, – я сполна утолила и жажду, и голод.

Девушки, конечно, тоже ели, но они так и не улыбались, хотя большая часть тостов была сказана именно в их честь, что меня очень удивило. Их посадили во главе камня, напротив Вождя, и подносили им блюда сразу после того, как их опробует Вождь. Но им это не доставляло ни радости, ни удовольствия. Я не знала, что нас ждет впереди. Но по их лицам было видно, что ничего хорошего.

* * *

К концу пира в главной пещере стало не продохнуть – по мере того, как пьянел и добрел Вождь, к столу приближались все новые и новые лица. Вождь хмурил кустистые черные брови, но хмель делал свое дело. Вождь милостиво разрешал им подойти к столу. Эти люди словно выходили из стен, они были тут все время, поняла я, с самого начала пира, но лишь молчаливыми свидетелями. Они были бледны и худы, перемазаны грязью и с жадностью набрасывались на остатки маринованных яиц, вонявших так, словно они протухли еще неделю назад. Остальные из горного народца делали вид, словно вовсе не замечали их, из чего я сделала вид, что эти люди были или слугами, или рабами, да и к столу их подпустили точно собак, которым разрешено догрызть косточки.

А после начались танцы. Появились полые кости с отверстиями – прародительницы флейт. Перетянутые кожей деревянные рамы, по которым лупили кулаками, – барабаны. Для моего слуха это не было музыкой, но люди пускались в пляс и четко разделяли одну песню от другой. Какофония звуков сводила меня с ума – пещерное эхо множило громогласные, неритмичные раскаты барабанов, а флейта то и дело срывалась на тонкий пронзительный писк, похожий на игру трехлетнего ребенка со свистком. Но они танцевали, да.

Они водили хоровод, в центре которого жались друг к другу Тина Тёрнер и другие, увешанные ракушечными ожерельями. Они на полторы-две головы возвышались над толпой, и это походило на вечеринку в честь Хэллоуина, где выбранной темой для костюмов стал древний мир.

Я поняла, что даже в таком шуме и грохоте, все равно клюю носом. Но идти было некуда. Красный маг терпеливо выслушивал вконец опьяневшего Вождя, изредка бросая на меня выразительные взгляды, мол, ты бы слышала, какую ерунду он мне втирает. Наконец, он смог оставить горного Вождя, сразу подошел ко мне и, взяв за руку, повел вдоль каменной стены, избегая столкновения с хороводом, по степени вращения уже близким к скорости света. Боже, если хоть один из них споткнется... Но бешенное вращение впало в исступление, барабаны стучали, не переставая, флейта дудела, как будто ее убивали, а черные вытянутые тени бесновались на стенах и потолке пещеры. Широкие, как блины, лица горняков покраснелись. Они горланили песни, каждый на свой манер, но никого это не волновало. Костяные ожерелья вторили их танцу, как трещотки.

Некоторые пролетали мимо нас, начинали что-то говорить, но их уносило прочь на полуслове. Даже стены пещеры дрожали от топота сотни босых ног.

Маг указал мне на трещину в стене, которая казалась довольно-таки низким проходом куда-то вглубь. Пришлось сильно нагнуться, чтобы не удариться головой. Видимость внутри была близкой к нулевой. Но маг уверенно пошел вперед и повел меня за собой.

Только в этом горном туннеле я поняла, как сильно у меня кружится голова от нехватки кислорода, и каким спертым был воздух в пиршественном зале, где по углам горели несколько костров. Стало холодно, я задрожала. На мне были только джинсы и кое-как завязанная поверх бюстгалтера разорванная рубаха.

Я шла за ним, согнувшись в три погибели, и слышала, как стучат мои зубы. А потом маг остановился перед освещенным изнутри проходом, еще более низким, чем первый. Казалось, в него и вовсе надо заползать, а не заходить. Согнувшись пополам, маг пролез туда первым. Мне оставалось только повторить.

Мы оказались в небольшой, раза в четыре меньше, чем зал для пиров, пещере, но стены ее были очень высокими и своды терялись в темноте.

- У-уху! - не сдержавшись, ухнула я.

Эхо повторило мое уханье раз пять, если не больше, пока не стихло.

Но главное сокровище находилось в центре пещеры - горячий источник. Я с наслаждением вздохнула горячий влажный воздух и с еще большим воодушевлением поглядела на первобытную ванну. А потом покосилась на мага, ну а дальше-то как, купаться тоже вместе будем? Или зачем он привел меня сюда?

Он занимался тлеющим костром у одной из стен, но вместо того, чтобы приказать ему вспыхнуть ярче, он словно бы «прикрутил» пламя до едва видимых угольков. Романтический полумрак, ну зашибись.

Он сел прямо на пол, скрестив ноги по-турецки, и взглядом велел мне сесть напротив. Я села.

Он указал на костер и назвал его на своем языке. Я повторила, не с первой попытки, но повторила. Затем он повторил то же самое с камнем, веткой и водой в купели. Я повторяла, надеясь, что уроком словесности все и ограничится.

– Эйдер Олар, – сказал он, указав на себя и предоставив мне самой разобраться, где фамилия, а где имя.

Надо же, не прошло и три года, как мы все-таки познакомились!

Мою русскую заковыристую фамилию не каждый португалец мог произнести, что уж говорить, наверное, об первобытном человеке, поэтому я просто сказала:

– Майя.

– Айя?

– Майя.

– Айя, – упрямо отозвался Эйдер Олар.

Ладно, буду Айей.

Следующие полчаса я потратила на выяснение того, как именно мне следует к нему обращаться: только Эйдер, только Олар или надо всегда произносить полное имя. Я брала в пример свою «Айю» и спрашивала: «Айя – Эйдер? Айя – Олар?».

Его узкое лицо исказила мука, а во взгляде явно читалось: «Господи, зачем я с ней только связался, я же никогда не объясню ей все нюансы жестами и парой известных ей слов».

Наконец, в нетерпении тряхнув рыжими волосами, он сказал, оперируя теми несколькими словами, что были мне известны:

– Нет Олар. Эйдер – я. Айя – ты.

– Баи, – отозвалась я.

Эйдер весь аж засветился, услышав, как я говорю на его языке. «Не все еще потеряно», – мелькнуло в его взгляде и он принялся за новую порцию слов.

Я выучила с десятков новых слов, когда окончательно выдохлась. Их язык не был похож ни один из известных мне, ни одно слово нельзя было запомнить ассоциативно или по знакомому звучанию. К тому же была, очевидно, глубокая ночь, я устала, а еще эта горячая ванна рядом, которая так и манила меня.

Эйдер заметил, с какой тоской я поглядываю на горячий источник, и сказал:

- Нет. Огонь, - указал он на тлеющие угли.

Я повторила.

Он сказал:

- Глаза огонь, - то есть «смотри на огонь», а потом произнес: - Асар-а!

Угли вспыхнули, загорелись. Вечер фокусов, дамы и господа, на арене доисторический маг Эйдер Олар. Я похлопала ему. Он оставался серьезным. Даже когда сказал:

- Ты огонь.

Он хочет, чтобы я повторила фокус?

- Асара, - безжизненным тоном повторила я.

- Нет! Асар-а! - повторил Эйдер, ставя ударение на последнее «а».

Как скажешь, настырный фокусник.

- Асар-а, - повторила я.

Он что, ждет, что пламя и меня начнет слушаться? Как бы ему рассказать, что в моем мире магии не существует?

- Ты огонь, - снова повторил он.

Я покачала головой.

- Ты огонь! – повторил он требовательнее.

- Асар-а! – крикнула я в ответ.

Ничего не произошло.

- Огонь! – крикнул Эйдер.

- Да чтоб тебя! Гори, гори ясно, чтобы не погасло!

Я не успела договорить, как огонь, проклятый огонь, который едва теплился на каменном полу, словно от взрыва, взвился вверх. Эйдер отшатнулся, я так вообще отлетела в сторону. В пещере стало светло как днем. Температура поднялась градусов эдак на десять, что в сумме с горячим источником, превратило пещеру в настоящую русскую баню. Пар клубился туманом.

- Баи, Айя, – тихо произнес Эйдер.

Он улыбался.

Глава 9. Сила слова

Зато я не улыбалась. Ни тогда, в тот вечер, когда Эйдер Олар, словно в награду, позволил мне, наконец, погрузиться в горячую ванную, ни после, когда мне принесли новую красивую одежду. Ни тогда, когда мы, пропировав еще сутки, покинули гостеприимных хозяев и отправились дальше.

Выглядел Эйдер озадаченным, он не понимал моих смутения и шока. А я, при всем моем желании и даже обучись я в скорые сроки его языку, не смогла бы объяснить ему всего.

Ведь я никому не рассказывала об этом.

Тот случай я вообще постаралась напрочь стереть из своей памяти, как поступают с самыми ужасными и страшными воспоминаниями, и память, если сильно постараться, идет на уступки и уничтожает такие потрясение, будто их и не было. И ты живешь дальше, сначала только существуешь, но потом входишь во вкус, снова садишься на велосипед, начинаешь тренироваться, хочешь не хочешь, а все равно возвращаешься к жизни, нормальной общепринятой жизни. Строишь планы, как будешь покорять французские трассы, присматриваешь новый велосипед в счет будущих побед.

А когда все уже вроде бы наладилось, падаешь в ученицы к огненному магу. И стихия не отказывает тебе, наоборот, повинуется и обещает служить, так предано, как никому не служила.

И тогда память делает кульбит. И все тайное снова становится явным.

В те последние сутки, что мы провели в пещерах горных людей, я не только сторонилась Эйдера. Я почти не разговаривала. Я держала язык за зубами, напуганная собственными способностями. И особенно тем, что мой дар и раньше давал о себе знать.

Я сразу вспомнила Тигра и его молчание после того, как я приказала ему держать язык за зубами, и как он заговорил, когда после я сама же отменила собственный приказ. Но это было мелочью. Это было действительной мелочью, хотя даже одно только это сотрясало до глубины души.

О, как я желала, чтобы эти мои способности проявились только здесь, на этих дальних берегах, но я знала, что это не так.

Сколько раз в своей жизни я добивалась чего-то, стоило мне сказать нужное слово? Частенько. Я легко уговаривала профессоров простить мне несданный реферат. А однажды на трассе я сказала другому велосипедисту, что он доедет до финиша и с лопнувшей резиной, ничего, мол, страшного, осталось чуть-чуть, не сдавайся. И он доехал.

Но мне и в голову не пришлось бы, объяснять это магией.

А еще... А еще. Конечно, было кое-что еще, уничтоженное памятью, как нестерпимо постыдное. Но события того дня вспыхнули перед моими глазами так же отчетливо, как трещины в полу пещеры.

Я снова вспомнила, что, покинув кафе, в котором оставались Питер и Хлоя, я проклинала друзей на чем свет стоит. Я желала им и того, и другого, и третьего, а в придачу еще эдакого, если вдруг им покажется мало.

Я была зла. Я крутила педали и из меня сыпались проклятия одно за другим, и вероятно, просто не было иного способа заткнуть меня. Мироздание как бы недвусмысленно намекнуло мне, что пора заткнуться, и тогда мой велосипед, вильнув, угодил в канаву. Но к этому мигу я и без того уже слишком далеко зашла в своих проклятиях.

Конечно, я никому не говорила об этом. Да и кто бы поверил мне? Эйдер Олар поверил бы, окажись он там, но я встретила с ним гораздо-гораздо позже.

Вот почему я не прыгала от счастья перед столбом огня, а взирала на него с нескрываемым ужасом. Теперь-то уж я знала, что это не удачливость и не красивые глаза позволяли мне добиваться многого раньше. Теперь я знала, на что способна, если произнесу правильные слова. И если настроение у меня будет соответствующим.

Эйдер тоже разозлил меня.

Только однажды в разговоре с психологом я обмолвилась, что виновата в гибели друзей, но он пустился в объяснения того, что так бывает, так случается, и что никто не виноват. Но я-то знала.

А теперь убедилась.

– Айя.

Эйдер унял пламя. Мне казалось, что я не вижу пещеры и его самого из-за внезапного полумрака, но затем он коснулся моих щек, вытирая слезы. Он притянул меня к себе и обнял. Я разрыдалась на его плече, освобождая всю ту боль, которую держала внутри за семью печатями и которую не смогли унять

никакие достижения современной фармакологии. Маг водил рукой по моим волосам и что-то тихо шептал на своем, и это было в стократ лучше любого терапевтического сеанса, любых утешений, которые я выслушала от родителей и других знакомых в университете. Мне никто не помог в том мире.

Для этого, вероятно, и нужно было угодить в этот.

* * *

Потом он ушел. Я медленно стянула разорванную всадником рубашу, сняла джинсы и белье, и скользнула в невероятно горячую воду. Я выдохнула от наслаждения и нырнула глубже, окунаясь с головой в горячее блаженство.

Слезы высохли.

В сознании наступила поразительная тишина. Мой собственный, обвиняющий, карающий саму себя голос, наконец, стих. Не знаю, как долго я нежилась в источнике. Я перестала чувствовать вообще что-либо, кроме нескончаемого удовольствия. Вся боль и телесная, и душевная смывалась вместе с грязью. Я не задавалась вопросом, как долго мне тут лежать и что делать дальше, где искать новую одежду, не надевать же старую и грязную, пропахшую крокодиллом и черти чем еще. Я просто закрыла глаза, а когда открыла их, то передо мной уже стояли две низкорослых женщины из горного племени, они низко кланялись мне и не встречались со мной взглядом.

Они из слуг или из рабов, поняла я. Тех, кого пригласили к столу позже других.

Одна расстелила на земле мою новую одежду, молча демонстрируя то, как красиво юбка по подолу расшита мелкими раковинами. Это действительно была юбка. Для низкорослых пещерных женщин она была бы где-то до колен, а мне, конечно, выше. Эдакое кожаное платье с мини юбкой. Неплохо.

Вторая занялась моими волосами. Она вымыла их и расчесала костяным гребнем, а после стала плести что-то замысловатое, поминутно вплетая в локоны опять же раковины. Господи, если так и дальше пойдет, то я же при ходьбе греметь буду, как детская погремушка!

Они помогли мне вылезти, протянули мягкую шкуру, которая, очевидно, заменяла полотенце, потом помогли одеться. Знакомых мне застежек или пуговиц на одежде не было, завязки располагались на спине. Платье в целом было похоже на фартук и одевалось примерно так же – спина оставалась голой, не считая завязок, а юбка была с запахом. Кожа была тонкая и очень мягкая, ракушки не звенели при ходьбе, чего я так опасалась, их очень крепко закрепили.

Позже, спохватившись, я бросилась к джинсам и достала из кармана глиняный черепок. Жестами я объяснила женщинам что мне нужно и это, само собой, заняло прилично времени, но когда одна из них сбегала наверх и вернулась, я поняла, что потраченное на объяснения время того стоило.

Я спрятала черепок в небольшой кожаный мешочек и надела его на шею. Скорректировала перевязь так, чтобы его не было видно под одеждой. И в целом, осталась довольна своим новым видом.

После они отвели меня через другой проход в стене, в общую женскую спальню, где похрапывали, завернувшись в шкуры на полу, десятки женщин. Мне указали на мою лежанку, я благополучно завернулась в коротковатые шкуры, подтянув ноги к животу, и тут же заснула.

* * *

Женщины проснулись и сразу загудели. С меня сон слетел почти тут же, как только они стали обмениваться грубоватыми резкими словечками. Их не волновало, что некоторые – ну, ладно, только я, – еще спят. Я не сразу поняла, где нахожусь и что происходит. Окон не было, света почти тоже. Лишь в центре пещеры чадила слабым голубым пламенем чем-то наполненная плошка с фитилем.

Мои соседки по спальне продолжали переругиваться. То есть я, конечно, понимала, что они просто желают друг другу доброго утра, но на слух и по интонациям эти беседы воспринимались, как охваченный паникой курятник из-за пробравшегося внутрь хорька.

Я натянула шкуру, которой укрывалась, на голову, но тут же чуть не задохнулась от ее запаха. Уж и не знаю, кем было это животное при жизни, но

пахло оно ужасно. Я отшвырнула меховое одеяло в сторону и села на выделенной мне лежанке. Внешний вид мой, должно быть, был красноречив, но местных товарок было не пронять. Они покосились на меня, кто-то из них понизил голос, но одна тут же крикнула, мол, чего вы, она же не говорит по-нашему, и спор на повышенных тонах тут же возобновился.

Решение было принято мгновенно.

Впрочем, какая-то часть меня – наиболее скептически настроенная, – отмахивалась со словами: «Ой, ладно! Всякое может присниться, особенно, если рыбы пережрать накануне». Но спать хотелось очень жутко. Мне казалось, я и часа не проспала. В глаза словно песка насыпали.

Я сфокусировалась на единственной тусклой точке света. Пробормотала вчерашнее заклинание Эйдера Олара, но оно снова не сработало, поэтому снова пробормотала: «Гори, гори ясно».

Из фитиля лежащей на земле площадки выросла огненная елка.

В пещере воцарилась тишина. Все взгляды обратились на меня. А потом они одновременно вылетели вон, и я осталась одна.

– Ах, вот ты какая, магия, – сказала я. – Хватит!

Елка исчезла, огонь унялся, снова став похожим на слабое синенькое пламя газовой конфорки.

Я устроилась поудобнее и закрыла глаза.

Глава 10. Лагерь погонщиков слонов

Через сутки мы снова отправились в путь. Но на этот раз дикарки во главе с Тинной Тёрнер, увешанные ракушечными ожерельями, шли позади повозки. В повозку же вместе со мной усадили глубоко беременных горных женщин, чьи выпирающие животы не прикрывала меховая одежда, а у некоторых и налитая,

тугая грудь оставалась обнаженной.

Я тоже хотела сойти, но Эйдер Олар усадил меня обратно. Так мы и тронулись.

Повозка снова покатила в гору по черному песку и дробленным камням, скрипя от натуги и подрагивая. Груды передо мной колыхались, их кожа была обмазана высохшей и потрескавшейся красной глиной.

Я не присутствовала на вчерашнем пиру, только слышала из спальной пещеры, что праздник приобрел новые обороты. Эту беременных женщин я видела еще вчера, в той же спальне, там-то они и обмазывали выпирающие животы друг друга жидкой глиной. Из одежды на них были только ожерелья из раковин, и после, когда приготовления были окончены, они присоединились к пирующим. Я тоже пошла, но маг велел мне оставаться в спальне, и я не сильно сопротивлялась. Я все еще сторонилась его и тогда, и сейчас, словно это он был виноват в моих способностях.

Я зарылась в меха, к запаху которых успела привыкнуть, и снова заснула, но сильные частые стоны вскоре разбудили меня. И доносились они из пиршественного зала. Я воздала хвалу Эйдеру Олару и тому, что на этот раз праздник продолжается без меня. Но крики продолжались, сменялись голоса, но понятное действие не кончалось довольно-таки долго. Пока в спальню не завели одну из беременных.

По ее лбу катился пот, она стискивала зубы, не давая прорваться наружу крику. Ее уложили в углу, засуетились вокруг. Появились другие беременные женщины, и все еще влажная глина на их телах хранила отпечатки рук и пальцев, а ожерелий на них только прибавилось. Так это... они там?... «зажигали»?

Лежащая навзничь заорала не своим голосом, и ей сунули в зубы полоску твердой кожи. Крик превратился в мычание. Столпившихся женщин растолкала сморщенная старуха, зычным голосом, раздавая приказы, и беременную мученицу подхватили под руки и потащили прочь из спальни. Она исторгнула новую порцию криков, но никто не обращал на это внимания.

Я лежала ни жива, ни мертва. Еще час назад я упивалась своим сказочным необыкновенным даром, хотя и страдала из-за того, каким образом, мне довелось окончательно убедиться в нем. Но теперь жизнь снова поставила меня

на место, забыла я что ли, в каком мире оказалась? Забыла об истинном предназначении женщины от первых дней сотворения мира?

Я не могла больше лежать, я подскочила и отправилась на поиски Эйдера Олара, в надежде выбить из него всю правду, куда мы и зачем направляемся. Почему горные туземцы так воспевают дикарок и словно бы поклоняются им? А самое главное, какая в этом всем моя роль? Если еще днем я допускала мысль, что мне предстоит стать волшебницей, обуздать свой дар и вообще повторить путь Гарри Поттера в древнем мире, то теперь, при столкновении с жестокой реальностью, с неприкрытыми мучениями и очевидной дремучестью по части физиологии, все эти «розовые» мечты казались несусветной глупостью. Эти края не были миром антибиотиков, антисептиков и анестезии, но в тот момент я готова была променять или даже отказаться от магии в пользу хоть одного из этих компонентов.

Эйдера Олара я искала с замиранием сердца, боялась, что найду и на его руках следы свежей глины. Но следов не было. Он сидел на земле у входа в пещеру, под темным небом, на котором только зарождалась молодая луна. Перед ним тлел костер и он, судя по виду, молился.

Молитва эта продолжалась долго, пламя в ответ на мысли мага то вздрагивало и стелилось к земле, то, приподнимаясь, освещало его тонкие черты лица и позолотой вспыхивало на рыжих волосах ниже худых плеч.

Я замерзла, пока ждала. И даже успокоилась. Ни в его, ни в моих силах не было хоть что-то изменить из предначертанного. А кроме того, мне нужно было выучить его язык, чтобы озвучить хотя бы один из того множества вопросов, что бредили ум.

Открыв глаза, он не удивился мне. Кивнул и позволил сесть напротив, а после снова принялся за мое обучение. На этот раз оно не касалось стихии, только язык. Новая порция слов и оборотов. Невероятно сложных, алогичных, на первый взгляд. Я вникала, повторяла, забивала голову глаголами и существительными, чтобы вытеснить из нее те животные, первобытные стоны и крики, которые последовали за ними.

Я женщина. В этом все дело. Мне уже повезло, что я родилась в той эпохе, когда многие права женщин были отвоеваны до меня другими, и мне оставалось

только наслаждаться привилегиями. Здесь, среди океана и скал, как я догадывалась, прав у женщин было немного. А общее предназначение – короткое и ясное. И оно ужасало.

Конечно, тем вечером я не задала важных вопросов и не получила ни одного ответа, проливающего свет на дальнейшее наше путешествие. Даже если Эйдер и начал бы рассказывать мне о традициях этого мира, я бы не поняла ни слова. Но я была прилежной ученицей. И когда мой учитель устало вскинул руки, словно умоляя остановиться, я только нахмурилась. Я не чувствовала усталости.

На следующее утро той самой беременной женщины в повозке не было. Но четверо других, так и не смывших глины со своих тел, бодро залезли в повозку и, помахав соплеменникам, отправились вместе с нами сначала в гору, а затем по зеленой равнине.

На первом же привале я упросила Эйдера прояснить мне времена глаголов и взялась за конструкцию вопросных предложений. Вопросы свои они строили непривычным мне образом, и я хотела знать, как делать это правильно. Ведь мне нужны были ответы и как можно скорее.

Кое-что я уже начала понимать. Беременность была Даром Матери-Солнца. Солнце огненный маг, разумеется, солнцем-то и не звал. Светило обозначалось таким трудно выговариваемым словом, что я и повторить-то его не смогла. Просто запомнила, что оно означает солнце.

Итак, солнце было матерью и благословляло женщин. Как-то этот Дар был связан с огнем, но как точно я не поняла. Дикарки, следовавшие за повозкой, тоже были Даром для Матери, но они не выглядели беременными, и сомневаюсь, чтобы первобытные люди могли определить беременность раньше, чем она станет очень уж очевидной. Моя роль в этом была еще более непонятна.

Эйдер продолжал настаивать на том, что я – «мастеа», и впервые я стала догадываться, что очень даже ошибалась, переводя это слово, как «женщина». Эйдер однозначно ответил отказом, когда я указала на беременных женщин, значит, они не могли считаться «мастеа», как и неандерталки. Неизвестной «мастеа» из всех была только я. И это пугало. Это звание так же не было связано с огнем и моими способностями, потому что дар повелевать стихией обозначался тем, что я поначалу приняла за фамилию Эйдера – Олар. Он мог быть Эйдер

Огненный, хотя сам огонь звался иначе. Это слово я выучила еще в пещере возле горячего источника.

Голова моя пухла, мягко говоря. Неспособная записать хоть что-то, мне все приходилось запоминать на слух и повторять десятки раз одно и то же слово, чтобы четко запомнить чередование звуков. Пару раз на привалах я расчищала землю и, вооружившись палкой, к удивлению мага принималась записывать его слова в русской транскрипции, чтобы запомнить их хоть как-то.

Мои записи привели Эйдера в неистовство. Он стер их ногой и до самой ночи отказывался снова браться за обучение. И только пообещав, что больше не буду творить подобного, он с хмурым видом согласился продолжить.

Так я осталась даже без таких конспектов.

* * *

По плоским равнинам, мы двигались на запад, строго по направлению к солнцу, изредка держась правее его красного диска. Трава местами на обочине была выше повозки, а протоптанная колея то и дело терялась в зарослях. Упрямый вол и раньше не горел желанием тащить тяжелый груз, теперь же, при виде сочных лугов, и вовсе то и дело останавливался, с самозабвенным хрустом уминая все, до чего мог дотянуться.

Смеркалось. По озадаченным лицам солдат из конвоя было понятно, что становится лагерем посреди этих равнин, им не хотелось. Я видела в небе и на земле птиц, каких-то гигантских, как и всё кругом, травоядных, сбившихся в стада, но ветер доносил чье-то рычание, а значит, страх их был оправдан. Эйдер приказал двигаться дальше. Вол, повинувшись приказу, с неохотой оторвался от сочного пастбища.

Я глядела на босых и притихших дикарок, которые смиренно шли позади нас, и думала о том, что Тигр и его соратники почему-то связали их, пока вели к океану, словно там они еще могли сбежать, а здесь – уже нет. Они и не собирались бежать. Они шли, увешанные дарами, едва ли не согнувшись под тяжестью ожерелий и браслетов, и килограммы ракушек словно бы заменяли им кандалы. Я покосилась на прикорнувших будущих мам, снова подумала о том, что только я одна среди них не могу похвастаться никакими украшениями. Даже

у Эйдера на шее были три вязанки бус. У меня же – только пришитые к юбке крошечные ракушки. Я с тоской разгладила кожаное платье, как вдруг ощутила на себе тяжелый взгляд Тины Тёрнер.

Она глядела исподлобья, сведя черные брови, и при этом что-то шептала на своем. Их язык даже близко не был схож с языком мага. Но ведь она должна бы понимать, что мне неведома их участь, что я не выбирала своей и если бы могла, то тоже шла бы рядом с ними, а не ехала верхом. В ее взгляде улавливалась жгучая ненависть, но она, впрочем, на все и с самого начала глядела именно так.

Я отвернулась от нее, едва находя в себе силы следить за дорогой. Ежесекундно мне хотелось обернуться и проверить, перестала она пялиться или нет?

Я так увлеклась этой демонстрацией деланного равнодушия, что и не заметила, как стемнело, а затем, как из темноты вдруг откуда-то сбоку раздался трубный оглушающий звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rish_katerina/10000-let-do-nashey-ery-kniga_1

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)